

1000

ЗНАМЕНИТЫХ

ЛЮДЕЙ
УКРАИНЫ

CF FOLIO

100 знаменитых

Валентина Склярєнко

100 знаменитых людей Украины

«ОМІКО»

2006

Скляренко В. М.

100 знаменитых людей Украины / В. М. Скляренко — «ОМІКО»,
2006 — (100 знаменитых)

Украина дала миру немало ярких и интересных личностей. И сто героев этой книги — лишь малая толика из их числа. Авторы старались представить в ней наиболее видные фигуры прошлого и современности, которые своими трудами и талантом прославили страну, повлияли на ход ее истории.

Поэтому рядом с жизнеописаниями тех, кто издавна считался символом украинской нации (Б. Хмельницкого, Т. Шевченко, Л. Украинки, И. Франко, М. Грушевского и многих других), здесь соседствуют очерки о тех, кто долгое время оставался изгоем для своей страны (И. Мазепа, С. Петлюра, В. Винниченко, Н. Махно, С. Бандера). В книге помещены и биографии героев политического небосклона, участников «оранжевой» революции — В. Ющенко, Ю. Тимошенко, А. Литвина, П. Порошенко и других — тех, кто сегодня является визитной карточкой Украины в мире.

Содержание

От авторов	5
Айвазовский Иван Константинович	7
Амосов Николай Михайлович	11
Антонов Олег Константинович	16
Бандера Степан Андреевич	21
Бердяев Николай Александрович	26
Блохин Олег Владимирович	29
Боровиковский Владимир Лукич	33
Бубка Сергей Назарович	37
Булгаков Михаил Афанасьевич	41
Быков Леонид Федорович	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валентина Скляренко, Т.Н. Харченко, Оксана Очкурова

100 знаменитых людей Украины

От авторов

Украина дала миру немало ярких и интересных личностей. И сто героев этой книги – лишь малая толика из их числа. Авторы старались представить в ней наиболее видные фигуры прошлого и современности, тех, кто своими трудами и талантами прославил страну, повлиял на ход ее истории.

«Нация проявляет себя не только в людях, которым она дает жизнь, но и в том, каким людям она воздает почести, каких людей помнит», – говорил Джон Кеннеди. Если обратиться к исторической памяти украинской нации, то на протяжении долгого времени главными ее символами неизменно оставались Богдан Хмельницкий, Тарас Шевченко, Леся Украинка, Иван Франко, Михаил Грушевский. При этом следует заметить, что их жизнеописания были настолько идеализированы и окутаны всевозможными мифологическими наслоениями, что скорее напоминали исторические архетипы, нежели биографии реальных людей. Поэтому, рассказывая об этих выдающихся личностях, авторы стремились снять с их портретов хрестоматийный глянец и познакомить читателя с малоизвестными фактами их жизни и деятельности.

Еще более далекими от исторической правды представлялся в биографической литературе жизненный путь таких государственных и политических деятелей, как Иван Мазепа, Симон Петлюра, Нестор Махно, Степан Бандера. Долгое время их роль в истории Украины вызывала противоречивые оценки, которые делали из этих людей не национальных героев, а изгоев общества. Споры вокруг них продолжаются и сегодня, но даже их противники не могут не признать того, что все они, несомненно, являются незаурядными личностями, проявившими немало силы воли и мужества в самые трагические периоды жизни страны.

До недавнего времени украинцы крайне мало знали о своих выдающихся соотечественниках, которые по разным причинам были вынуждены покинуть родину. Большинство из них предали забвению. Такая же участь постигла и тех, кто пал жертвами сталинских репрессий, представителей диссидентского движения, борцов за права человека в Украине. А между тем именно эти люди немало способствовали росту авторитета украинской науки и культуры далеко за пределами страны. Вот почему в современной галерее знаменитых людей Украины достойное место занимают Михаил Драгоманов и Владимир Винниченко, Дмитрий Чижевский и Николай Бердяев, Василий Стус и Вячеслав Черновол.

Среди героев этой книги – не только украинцы, но и представители других национальностей. Их имена здесь не случайны, поскольку для одних Украина являлась малой родиной, другие долгое время жили и работали на украинской земле уже в зрелые годы. Нельзя не согласиться с русским ученым академиком Д. Лихачевым, который утверждал, что «национальные особенности сближают людей... а не изымают их из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе». И потому не стоит удивляться тому, что в исторической памяти украинского народа почетное место всегда будут занимать имена Николая Гоголя, Шолом-Алейхема, Ивана Айвазовского, Архипа Куинджи, Николая Пирогова, Ильи Мечникова, Сергея Прокофьева и многих других великих «не украинцев». Кстати, сами они были гораздо мудрее некоторых своих потомков и никогда не отделяли свою судьбу от украинской земли и того народа, среди которого жили и творили. Достаточно вспомнить хотя бы строки из письма Н. Гоголя, адресованные А.О. Смирновой-Россет: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у

меня душа, хохлацкая или русская. Я сам не знаю, какая у меня душа. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой...». Эти слова, написанные в середине XIX века, остаются актуальными и сегодня.

Айвазовский Иван Константинович
Настоящее имя – Ованес
Константинович Гайвазовский
(род. в 1817 г. – ум. в 1900 г.)

Выдающийся русский художник-маринист и баталист.

Академик живописи, профессор Академии художников, член Амстердамской академии художеств. Живописец Главного морского штаба. Обладатель многих почетных наград, среди которых золотая медаль от папы Григория XVI («Хаос», 1839 г.), золотая медаль на выставках в Лувре («Буря у берегов Абхазии», 1843 г.), орден Почетного легиона (1857 г.).

Основатель Музея древностей (1871 г.), художественной мастерской, картинной галереи, концертного зала в Феодосии.

Армянская семья Айвазянов давно обосновалась в Крыму и с годами даже фамилия предков получила другое звучание – Гайвазян. 17 июля 1817 г. в Феодосии родился Ованес, которому предстояло стать знаменитым художником-маринистом и ныне гордостью двух держав – Украины и России. Его родители жили бедно: отец писал жалобы и прошения на базаре, мать вела хозяйство и слепла над вышивкой. Нужда заставила их отдать старшего сына Гарика купцу-армянину для определения его в армянский монастырь в Италии. А младший Ованес (по-русски Ваня) уже в 10 лет работал «мальчиком» в городской кофейне. Он прекрасно играл на скрипке и пел, но самой большой радостью для него было рисовать самоварным углем на стенах домов. Эту «настенную живопись» заметил архитектор Кох, который подарил парнишке первые карандаши и бумагу, а затем показал рисунки градоначальнику А.И. Казначееву. Александр Иванович, став губернатором, забрал мальчика с собой в Симферополь, поселил в своем доме, определил в гимназию.

В 1833 г. Гайвазян был принят казенным пенсионером в Петербургскую Академию художеств в класс М.Н. Воробьева. Подросток с легкостью переносил полуголодное существование.

Он учился пристально наблюдать натуру, угадывать ее «душу и язык», передавать настроение в пейзаже. Ване было всего 17 лет, когда он до малейших деталей мог скопировать пейзажи Сильвестра Щедрина и Клода Морея. Заданный на втором году обучения эскиз «Предательство Иуды» привлек всеобщее внимание, и президент А.Н. Оленин объявил Гайвазовского (его фамилию вновь изменили) лучшим учеником и будущей звездой и гордостью Академии.

В 1835 г. Иван попал в «ученики» к французскому художнику-маринисту Филиппу Таннеру. Учитель оказался менее талантливым, но очень завистливым и, очернив работу Гайвазовского «Этюд воздуха над морем» перед Николаем I, вверг юного художника в царскую немилость. В течение года Оленин, Одоевский, Томилин, Жуковский, принимавшие участие в его судьбе, не могли ничего изменить. И только известный художник-баталист А.И. Зауервейс реабилитировал Гайвазовского и убедил царя отправить юношу вместе с Ф.П. Литке в летнее плавание по Балтике. За несколько месяцев офицеры научили Ивана разбираться в сложнейшем устройстве и оснастке кораблей российского и иноземного флота. Моряков подкупила искренняя любовь юноши к морской стихии и кораблям. Экипаж прозвал его «морским волчонком». Написав в этом плавании первые пять марин, Гайвазовский неразрывно связал свою судьбу с морем и российским флотом.

Занятия с К. Брюлловым и М. Воробьевым принесли свои плоды. Двадцатилетний юноша стал мастером, великолепным художником-маринистом. Общение с А. Пушкиным и М. Глинкой настроило его ум на торжественное воспевание природы. «Прекрасное должно быть величаво». Гайвазовский рано постиг, что служение искусству – это не смирение и не спокойное созерцание жизни, а действие, кропотливый ежедневный труд. Совет Академии сократил ему срок обучения на два года, а золотая медаль первой степени (1837 г.) за успехи в живописи позволяла отправиться за границу, но Гайвазовского направили в Крым «писать с натуры морские виды». Путешествуя по Крыму и по Кавказу (генерал Раевский, начальник черноморской береговой линии, пригласил его наблюдать боевые действия флота против турок), он сделал множество набросков и написал такие известные полотна, как «Вид Керчи», «Морской берег», «Лунная ночь в Гурзуфе», «Десант в Субаши». Сердце юного художника было полно благодарности к людям (М. Лазареву, П. Нахимову, В. Корнилову и простым матросам), поделившимся с ним знаниями о море и своим душевным богатством. Прекрасная зрительная память помогла Гайвазовскому переносить свои воспоминания на полотно. В промозглом Петербурге он мог написать любой пейзаж Крыма, а по рассказам очевидцев создать живописную баталию, четко зная, как выглядит каждый корабль.

В 1840 г. художник отправился в пенсионерскую поездку в Италию. В монастыре он отыскал брата-монаха, который ему посоветовал изменить фамилию, чтобы она была ближе к первоначальной армянской. С тех пор Иван Константинович все свои картины подписывал фамилией Айвазовский. Молодой художник все время посвящал живописи, а из мастерской отлучался только в музеи, для работы на природе или для встреч с Н.В. Гоголем и А.А. Ивановым. Айвазовский заметил, что его тщательно выписанные на пленэре полотна оставляют равнодушными зрителей, зато написанные по памяти вызывают восхищение. Ведь в такие пейзажи он вносил свои яркие впечатления, свой восторг перед неповторимостью каждого мгновения в природе. Художник начал писать только в мастерской, где были лишь голые стены, а на холст наносил воспоминания об игре света и теней на морской поверхности, на вершинах гор и на зелени деревьев, о движении волн и бесконечных оттенках воды, радужном сиянии морских брызг в лучах солнца. Писал на одном дыхании, страстно, с увлечением и не отходил от мольберта, пока не завершал картину. «Неаполитанская ночь», «Буря», «Хаос» привлекли к его творчеству всеобщее внимание, а когда папа Григорий XVI приобрел «Хаос» для картинной галереи Ватикана и лично познакомился с автором, Европа признала, что Айвазовский – лучший в мире художник-маринист. Теперь уже его произведения копировали юные ученики, и морские виды «а-ля Айвазовский» появились в каждой лавочке.

В душе художника рядом с родной Феодосией и Черным морем прочно, на всю жизнь занял свое место Неаполитанский залив. А сердце Ивана Константиновича согрела встреча с балериной Марией Тальони, женщиной, которая навсегда осталась в его памяти и жила там, окутанная покрывалом не осуществившейся мечты. Она была старше Айвазовского на 13 лет и не решилась открыть своих чувств, а он даже не надеялся на взаимность.

В 1843 г. Иван Константинович стал единственным русским художником, которого французское правительство пригласило выставить картины в Лувре. После этого началось триумфальное шествие его картин по городам Европы. Ими любовались Лондон и Лиссабон, Мадрид и Гренада, Севилья и Барселона, Гибралтар и Мальта... Везде он делал многочисленные зарисовки для будущих картин: здания, корабли, скалистые берега. За 4 года Айвазовский создал 80 картин, в основном марин, с изображением морских бурь и кораблекрушений, тихого моря, лунных ночей. Его картины разошлись по всей Европе. В Голландии, на родине морской живописи он был удостоен звания члена Амстердамской Академии художеств.

В конце лета 1844 г., покорив европейские столицы, Айвазовский вернулся в Петербург, где его ждали почет и слава, звание академика живописи. В звании первого живописца художник был причислен к Главному морскому штабу и по его поручению писал виды русских северных портов и приморских городов. Он стал модным художником, вместе со славой появились и деньги, но Иван Константинович чувствовал, что настоящую радость ему приносит труд и творчество, и решил вернуться в Феодосию. В родном городе он построил поместье Шейх-Мамай на берегу моря, в котором работалось ему легко и радостно. Все горожане любили Ивана Константиновича и с радостью чествовали на 10-летнем юбилее художественной деятельности мастера. Севастополь отправил эскадру из шести военных кораблей приветствовать своего главного живописца. Честолюбие Айвазовского было удовлетворено: когда-то бедный парнишка стал щедрым отцом родного города.

Весть о предстоящей женитьбе знаменитого художника на бедной гувернантке-англичанке всколыхнула светское общество в 1847 г., но Айвазовский увез свою избранницу Юлию Яковлевну Гревс от пересудов в Феодосию. Однако молодой жене не понравилось жить в глуши, вскоре начались упреки, и Айвазовскому пришлось осознать абсолютную несхожесть их характеров и взглядов. На двенадцатом году супружеской жизни Юлия оставила мужа, забрав с собой четырех дочерей: Александру, Елену, Марию и Жанну. И хотя она только изредка разрешала им навещать отца, все девочки впоследствии вернулись под отчий кров. Но никакие семейные невзгоды не могли оторвать художника от творчества. В эти годы он создал бессмертное полотно «Девятый вал» (1850 г.), столкнув в нем стихию шторма с мужеством и волей человека, отстаивающего свою жизнь.

Нахимов, посетив выставку картин о победах Черноморского флота, сказал художнику: «Удивляюсь вашему гению... Не могу постичь, как можно, не будучи на месте, так верно все изобразить». В 1854 г. несколько дней Айвазовский находился в осажденном Севастополе, когда англичане штурмовали город. Он присутствовал при затоплении русских кораблей и защите Мамаева кургана и всю жизнь возвращался к изображению героических событий тех грозных дней. Среди наиболее известных картин – «Осада Севастополя», «Оборона Севастополя» (1859 г.) и «Малахов курган» (1893 г.).

Только изредка на непродолжительное время Айвазовский покидал родной город, чтобы показывать свои полотна в Петербурге, Москве, Тифлисе, Флоренции. И его марин были разнообразны, как и само море – «Ледяные горы» (1870 г.), «Радуга» (1873 г.), «Неаполитанский залив» (1874 г.). А жители Феодосии гордились земляком не только как художником с мировым именем. Айвазовский выстроил в городе Музей древностей и сам занимался раскопками. В своем поместье открыл художественную мастерскую и картинную галерею. Добился строительства в Феодосии торгового порта и железной дороги и провел туда воду от своего источника. У отца города постоянно было много дел и забот. И самое главное – в жизнь Ивана Кон-

стантиновича опять пришла любовь. Брак с молодой вдовой Анной Никитичной Саркизовой сделал его вновь счастливым. Она стала верной спутницей и доброй хозяйкой в огромном доме, заполненном детьми, внуками и картинами.

Айвазовский ни на день не прекращал работу. Выставленная в Галерее Третьякова картина «Черное море» (1886 г.) заставляла замирать посетителей перед первозданной стихией, которой И.Н. Крамской дал самую высокую оценку: «Дух Божий, носящийся над бездной». Картины, написанные на одном дыхании, художник вынашивал годами. «Начиная писать всякую картину, я не творю ее тут же на полотне, а только копирую с возможной точностью ту картину, которая раньше сложилась в моем воображении и уже стоит перед моими глазами. В картинах моих всегда участвует, кроме рук и фантазии, еще и моя художественная память».

Однажды, в 1895 г., после открытия своей 120-й персональной выставки, Айвазовский по просьбе Куинджи дал урок в Академии. Потрясенные ученики наблюдали, как, отобрав всего 4 краски, за 1 час 50 мин. художник превратил серый холст в бушующее море, легкими штрихами выписав борющийся со штормом корабль с полной оснасткой. Поэтому никто не сомневался, когда разнесся слух, что Айвазовский за 10 дней написал колоссальных размеров картину. Стоя перед полотном «Среди волн» (1898 г.), любой ученик и художник понимал: для того, чтобы создать такую картину, требуется целая жизнь. «Вся моя предшествующая жизнь была подготовкой к картине, которую вы видите» – слова, сказанные художником об этом шедевре, можно было бы отнести ко многим его полотнам.

Начался XX век. Айвазовский встретил его счастливым, в окружении большой семьи, которая включала не только родных и близких, но и всех, кто нуждался в его помощи, кому он делал добро. «Страной Айвазовского» называли земляки Феодосию, и он, как добрый гений, не только помогал процветанию города, но еще и у половины феодосийских семей крестил детей и почти всех бедных невест одаривал приданым. Художник умер скоропостижно, на 83-м году жизни, 19 апреля 1900 г., не успев дописать картину «Взрыв турецкого корабля». Вся Феодосия шла за его гробом. В час похорон весенний день потускнел, стал накрапывать дождь, море печально билось о берег.

Шуми, волнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Амосов Николай Михайлович (род. в 1913 г. – ум. в 2002 г.)

Знаменитый кардиохирург, биокибернетик, ученый-экспериментатор, общественный деятель. Директор Института сердечнососудистой хирургии, заведующий отделом биологической кибернетики в Институте кибернетики. Академик Национальной академии наук Украины, член-корреспондент Академии медицинских наук, профессор. Герой Социалистического Труда (1973 г.), лауреат Ленинской (1961 г.) и Государственной (1973 г.) премий СССР и трех Государственных премий УССР, награжден многими правительственными наградами.

Автор научных и научно-популярных книг.

«Стареть – плохо, но это единственный способ пожить дольше», – любил повторять Николай Амосов – человек, деяниям и оптимизму которого можно только позавидовать. Он боялся не смерти, а только старости, ибо видел в ней врага, мешающего полнокровно думать и действовать, – а именно этому он посвятил всю свою жизнь от рождения и до самой смерти.

Родился Николай 6 декабря 1913 г. в селе Ольхово, недалеко от Череповца. Мать-акушерка была нарасхват на несколько деревень. И днем и ночью роженицы требовали помощи Кирилловны, – и первыми воспоминаниями детства для ее сына стали долгие часы ожидания. Мальчик практически воспитывался без отца, потому что тот после возвращения с фронта начал пить, завел другую семью и навсегда остался для него «чужим». Николай рос хилым и необщительным, гулять не любил, был неловок и очень боялся показаться смешным, всегда ощущая свою неполноценность. «Так и в школу пошел – одинокий». Жили очень скудно, недоедали: мать зарабатывала немного, а подарков не брала, и к тому же старалась дать хорошее образование своей старшей незаконнорожденной дочери Марии. И Николай с детства познал все тяготы нелегкого крестьянского труда.

Как только мальчик научился читать, он влюбился в книги и уже никогда не расставался с ними. Николай окончил начальную школу в селе, а среднюю – в Череповце. Учился легко,

был записан сразу в три библиотеки, а вот кем будет дальше, за него решило государство: 9-й класс неожиданно закрыли (1930 г.) и ученикам предложили на выбор – механический техникум в городе или учебу на лесника под Ленинградом. Средств на жизнь вдали от дома у Амосова не было, и он стал студентом-«техником», а по окончании техникума работал в Архангельске сменным механиком на электростанции при большом лесопильном заводе. Здесь же он впервые влюбился и в 1934 г. женился на симпатичной бухгалтерше Галине Соболевой.

Работу на производстве Николай считал делом скучным. Он всегда испытывал страсть к выдумыванию, конструированию и поэтому поступил во Всесоюзный Заочный Индустриальный Институт в Москве на энергетический факультет (1934 г.), мечтая заняться чистой наукой. А жена выдержала экзамены в Архангельский мединститут. Но когда на горизонте «замаячила» армия, Амосов, сдав отлично все вступительные экзамены, оказался в одном институте с Галей. Чтобы не отставать от жены, за первый год обучения прошел программу сразу двух курсов. Учеба по-прежнему не доставляла проблем: оставалось свободное время, чтобы подзаработать преподаванием в фельдшерской школе и заняться «наукой».

В это время Амосов близко познакомился с профессором физики В.Е. Лашкаревым, который открыл студенту удивительный мир парапсихологии. Ему-то и показал студент чертеж искусственного сердца. «Выдумка ерундовая, но идея логичная, – вспоминал потом академик. – Теперь на принципе такого насоса создали протезы сердца, некоторые работают уже по несколько месяцев, пока донора для пересадки подбирают».

В 1939 г. Амосов с отличием окончил институт и решил продолжить занятия физиологией, но место в аспирантуре было только по хирургии. А для диплома в Заочном институте, который он из-за «недогрузки» так и не бросил, сделал проект большого аэроплана с паровым котлом и турбиной. Идея была интересной, и хотя к производству ее не приняли, но Амосов в 1940 г. получил еще один диплом с отличием как инженер «паросиловых установок электростанций».

К тому времени молодые супруги решили пожить отдельно (развелись в 1940 г.), и Николай, «удрав из аспирантуры», начал работать ординатором-хирургом в Череповецкой межрайонной больнице, а также преподавать анатомию и любимую физиологию в фельдшерской школе. Но армия и хирургия пришли за ним сами. С первых дней войны Амосов работал в комиссии по мобилизации, а потом был назначен ведущим хирургом в полевой передвижной госпиталь «ППГ-2266 на конной тяге». В этом госпитале и в одной должности он прослужил всю войну и встретил День Победы в германском городе Эльбинг. Воспоминания об этом периоде жизни легли в основу повести «ППГ-2266, или Записки военного хирурга» (1974 г.). Амосов навсегда запомнил это «море страданий человеческих», научился в совершенстве оперировать любую часть тела и лечить любые осложнения. Особенно хорошо он овладел тактикой и методикой операций при ранениях груди, суставов и переломов бедра. Для решения главной проблемы – ранения груди – хирург разработал свою операцию и «здорово насобачился на сосудах!». Но каждая смерть солдата становилась для него трагедией, и Амосов однажды даже попытался покончить жизнь самоубийством.

На фронте Николай Михайлович женился на прекрасной операционной сестре-украинке Лидии Денисенко, которая пошла на войну добровольно после третьего курса пединститута и служила в медсанбате, а после выхода из окружения была прикомандирована к его госпиталю. Но если для большинства солдат война закончилась, то для супругов Амосовых продолжалась до сентября 1945 г. в Маньчжурии. Служить в армии Николай Михайлович ужасно не хотел. Но уйти ему, майору, удостоенному многих боевых наград, было очень непросто. Помог второй диплом – инженерный. Амосов получил назначение от Министерства медицинской промышленности заведовать главным операционным корпусом Института Склифосовского и приводить в порядок технику. «Грустный и неприятный период жизни... Не прижился я тогда, в 46-м, в Москве. И не потому, что комната была в четыре метра, еда плохая и короста на

голове. Работы не было, хирургии... И смотреть чужую работу надоело. Отравлен самостоятельностью: "Дай мне, и я сделаю"».

Да и научным работам Амосова долго не давали ходу: он получил отрицательные отзывы на три диссертации, а восемь научных статей даже не рискнул отослать. Столичному безделью Николай Михайлович предпочел напряженную работу заведующим отделением в Брянской областной больнице, став одновременно главным хирургом области. За шесть лет выполнил много новых и уже знакомых по фронту операций: на желудке, на пищеводе, на почках. Но самыми важными были резекции легких – при абсцессах, раке и туберкулезе. До тех пор он никогда их не делал, поэтому сам разработал методику и за четыре года прооперировал больных больше всех в стране – свыше трех тысяч.

В 1948 г. Николай Амосов защитил кандидатскую диссертацию и уже через год выбрал тему для докторской: «Резекции легких при туберкулезе». В 1952 году диссертация была готова и получила положительный отзыв академика А.Н. Бакулева. В том же году Амосов был приглашен на работу в Киев руководителем клиники грудной хирургии Киевского научно-исследовательского института туберкулеза и грудной хирургии. Переезжать ему не хотелось. «Брянские годы, с 47-го по 52-й, самые светлые в моей жизни. Испытал хирургическое счастье, дружбу с подчиненными. Потом такого уже не было, – вспоминал Амосов и признавался: – Хирургом меня сделала война. Но настоящим – Брянск». Однако на переезде настояла жена. Она к тому времени окончила пединститут и решила стать... хирургом, для чего и поступила в Киевский мединститут. С этого времени жизнь исконно русского человека была связана с Украиной, и он вошел в первую десятку личностей, определявших ее облик в XX в. Николай Михайлович в марте 1953 г. защитил докторскую диссертацию и был избран заведующим кафедрой в Киевском медицинском институте.

Конечно, Амосов не всем пришелся по душе. О его неуживчивом характере, бескомпромиссности и резкости до сих пор помнят те, кто с ним сотрудничал. Но он был уникален во всем: в работе, в общении, в выборе увлечений. Этот человек еще при жизни стал легендой – талантище, яркая личность, поразительный жизнелюб и трудоголик. Сам Николай Михайлович считал себя человеком не эмоциональным, «сухарем». Но когда в 1956 г. родилась дочь Катя, он, который «за двадцать лет семейного стажа потребности в детях не ощущал, увидел это маленькое, красненькое, хлипкое существо, так и понял – кончилась свобода, уже не сбегу». Дочь он воспитывал по собственной методике: дисциплина, нагрузки, три последних школьных года – экстерном в один. Екатерина Николаевна стала доктором медицинских наук, членом-корреспондентом АМН Украины.

В 1955 г. Амосов организовал и возглавил клинику сердечной хирургии, преобразованную в 1983 г. в Институт сердечно-сосудистой хирургии АМН Украины. Осенью 1957 г. он ездил на конгресс хирургов в Мексику, где впервые увидел операцию на сердце с применением аппаратов искусственного кровообращения (АИК) и очень заинтересовался этим. Купить аппарат было невозможно, но для инженера Амосова это не было проблемой. Он разработал собственный проект, но необходимых трубок и, самое главное, гепарина против свертываемости крови в Союзе было не сыскать. И тогда Николай Михайлович на жалкие 15 долларов, оставшиеся от командировочных, купил минимум необходимого. Аппарат был выпущен на одном из предприятий Киева. А в 1958 г. в Институте кибернетики создали специальный отдел, где Амосов объединил вокруг себя коллектив энтузиастов. В его лабораториях и отработывались схемы операций с АИК, потом прибавились физиологические исследования сердца с участием инженеров и математиков. В 1959 г. была удачно проведена операция мальчику с тяжелым врожденным пороком сердца – так называемой «Тетрадой Фалло». А в 1960 г. Амосов возглавил отдел биоэнергетики Института кибернетики Академии наук Украины, в котором занимался развитием идей, зародившихся у него еще в Череповце: регулирующие системы организма – от химии крови, через эндокринную и нервную системы до коры мозга; механизмы

разума и искусственный интеллект, психология и модели личности, социология и оптимальные модели общества, глобальные проблемы человечества. Работа отдела продолжалась вплоть до 90-х гг., когда коллектив распался и в отделе осталась только группа по искусственному интеллекту.

Николай Амосов был удивительно разносторонним человеком. Основоположник советской кардиохирургии стал учителем практически всех ведущих украинских и российских кардиохирургов. Когда в 1962 г. на первое место вышла проблема протезов сердечных клапанов, Амосов разработал свою модель – из полусферы, дополненной специальной обшивкой корпуса, препятствовавшей образованию тромбов. И именно с этого времени, как считает Николай Михайлович, «началось восхождение моей карьеры сразу по нескольким линиям». Он стал неизменным участником всех международных съездов и конференций кардиохирургов. Его избрали членом-корреспондентом АМН, присудили Ленинскую премию. 19 лет он честно исполнял обязанности депутата Верховного Совета СССР. Особенно тягостными были приемы граждан: «Горя наслушался свыше меры, в дополнение к хирургическим несчастьям». И если по отношению к себе Амосов свято следовал правилу М. Булгакова: «Никогда ничего не проси», то для простых людей он добивался многого и вне хирургии.

Одно из самых ярких светил современной медицины, автор работ по медицинской и биологической кибернетике («Моделирование мышления и психики») был талантливым популяризатором идей и писателем, читал лекции по всему Союзу. Его книги «Мысли и сердце», «Записки из будущего» и «Голоса времен» изданы миллионными тиражами и переведены более чем на 30 языков мира. А «Энциклопедия Амосова», вышедшая в 2002 г., тут же стала библиографической редкостью. Когда в США узнали, что кардиохирург, кибернетик и писатель Амосов – один и тот же человек, журнал «Лук» прислал в Киев корреспондента и фотографа, а газета «Нью-Йорк Таймс» назвала Амосова правдоискателем, от пронзительных слов которого волосы встают дыбом.

Еще в 1952 г., когда хирурга так «схватил» позвоночник, что он не мог оперировать, он создал собственную теорию здоровья и долголетия. Главное в ней – увеличение нагрузок на организм. Ежедневная зарядка – около трех тысяч движений, бег, строгая диета. Коллеги считали это самоистязанием, Амосов – экспериментом. Результаты он всегда записывал и публиковал в научных журналах, а позже они вышли в отдельных книгах («Раздумья о здоровье», 1976 г.; «Книга о счастье и несчастьях», 1979 г.). Но если от инфаркта убежать удалось, то многочисленные болезни сердца упорно пытались выбить его из колеи, ограничить работоспособность. Этого человек дела позволить себе не мог.

В 1986 г. Николаю Михайловичу вшили кардиостимулятор, через месяц он появился в клинике и «народу объявил: "Заседание продолжается"». И снова директорство, операции, бег, ежедневная зарядка. Когда в 1987 г. в стране начались экономические эксперименты, Амосов первый в Украине добился хозрасчета. «Результат – количество операций с АИК почти удвоилось и приблизилось к двум тысячам. В полтора раза повысилась зарплата. Работать стало интереснее». 1988 год он считал лучшим в своей кардиохирургической биографии. «И вообще, самое бы время поставить точку. Так нет – жадность: давай 5 тысяч операций, 2 тысячи – с АИКом. Слаб человек!» Амосов все же оставил пост директора, но оперировать продолжал.

Николай Михайлович вновь согласился было на выдвижение в Верховный Совет, но понял, «что попал впросак: не смогу удовлетворить народ» – и отказался от депутатства. В 1992 г. он сделал свою последнюю операцию по протезированию клапана. «Сразу почувствовал: теперь – старик». Годы приносили много огорчений: уходили из жизни старые друзья, жена перенесла несколько инсультов. Почетный директор, давно отказавшийся от зарплаты в собственном институте, получал мизерную пенсию, все сбережения, как и у большинства простых людей, пропали. «Сердечный врач», спасший тысячи жизней, вынужден был обращаться к спонсорам, чтобы те оплатили операции на его сердце: в 1993 г. был заменен стиму-

лятор, а пять лет спустя – поставлен искусственный клапан и наложены два аортокоронарных шунта. Николай Михайлович не поддавался депрессивным настроениям, старался быть «при деле». Он был поразительным жизнелюбом. Возможно, отчасти потому, что никогда не верил в загробный мир. Был убежден в том, что жить нужно здесь и сейчас. И не ради собственных удовольствий, а на благо людям. Об одном лишь жалел Амосов – что так и не решился на операции по пересадке сердца. Умом понимал, что необходимо, но «не смог переступить через жизнь. "Пока сердце работает – человек жив". Знал, что это предрассудок, что жизнь в мозге, а не в сердце. А в душу, которая будто бы в сердце – живом, не верил... А все же – грех!» Решительным хирургам завидовал: «Недавно кубинцы сердце пересадили, до этого – чехи, поляки. У нас в стране – ноль. Наверное, есть и моя доля вины. Но явно переступить через конкретные жизни не мог».

Привычка к самоанализу побудила Амосова присмотреться к состоянию своих сверстников. Картина была драматичной, увядание охватывало коварно и неотвратимо. И вновь, как в былые годы, он решился на штурм твердынь, только теперь в одиночку, предприняв в 80 лет уникальный эксперимент по противостоянию неумолимому старению. Этими мыслями он поделился в книгах «Эксперимент» и «Преодоление старости», а своими философскими идеями – в сборнике «Разум, человек, общество, будущее». Эксперимент продолжался до 12 декабря 2002 г. Обширный инфаркт оборвал жизнь выдающегося кардиохирурга. На личном счету Амосова – более восьми тысяч спасенных больных и пятьдесят тысяч пациентов, исцеленных в институте в его бытность. Целый город исцеленных. В Украине этого русского человека еще при жизни называли совестью нации и «Человеком столетия», как гетмана Б. Хмельницкого, поэта Т. Шевченко и ученого В. Вернадского. Титулы ему никогда не были нужны. Жаль только, амосовская формулировка «человек умирает, когда он исчерпан» в отношении самого Амосова не оправдалась.

Антонов Олег Константинович (род. в 1906 г. – ум. в 1984 г.)

Выдающийся авиаконструктор. Генеральный конструктор самолетов серии Ан. Один из основателей промышленного планеризма. Член-корреспондент АН УССР (1960 г.) и АН СССР (1981 г.). Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой конструкций самолетов Харьковского авиационного института (1977 г.).

Заслуженный деятель науки УССР (1976 г.), лауреат Государственных премий СССР (1952 г.), УССР (1976 г.) и Ленинской премии (1962 г.). Герой Социалистического Труда (1966 г.). Награжден тремя орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Золотой медалью им. А.Н. Туполева и др. Его имя присвоено механическому заводу и аэроклубу г. Киева.

Автор книги «Десять раз сначала».

Самолеты «семейства» Ан в мире называют «элегантными» и «породистыми». В них чувствуется стиль их создателя – Олега Константиновича Антонова, который любил повторять, что «некрасивый самолет не полетит». Этот человек, вдохнувший жизнь в украинское самолетостроение, родился 7 февраля 1906 г. за тысячу километров от Киева, в Подмосковье, где его отец, инженер-строитель, возводил Канатчикову дачу. Константин Константинович Антонов и его жена, Анна Ефимовна Бикорюкина (умерла, когда сыну исполнилось девять лет), первое время и жили там же, на территории строящейся психиатрической больницы. А в 1912 г. семья окончательно переселилась в Саратов, где проживали многочисленные родственники. Лето они обычно проводили у бабушки в дачном поселке Савино, и здесь Олегу и его старшей сестре Ирине жилось привольно.

Мальчик рос романтиком и мечтателем. Услышав однажды от двоюродного брата о легендарном перелете Луи Блерио через Ла-Манш, он навсегда заболел небом. Но Олег не только по-детски прыгал с парусиновым зонтиком с крыши, он подошел к своей мечте осно-

вательно – собирал и систематизировал все, что в той или иной мере касалось авиации: фотографии из журналов, рисунки, книги, модели. Впоследствии обширные познания по истории самолетостроения в мире сослужили ему хорошую службу.

Следующей ступенью к небу, как полагал Олег, должно было стать реальное училище, делающее упор на технические науки. В первые ученики он не выбился, зато в совершенстве овладел французским языком. Затем грянули война и революция, училище закрылось, когда Олегу исполнилось 14 лет, а в школу для взрослых принимали только с 16-ти. Антонов пристроился к старшей сестре и, тихонько спрятавшись на задней парте, жадно вбирал знания. К примерному ученику вскоре привыкли, а через два года выдали свидетельство об окончании школы. Свою мечту о полетах Олег лелеял по-прежнему, все свободное время пропадал на аэродроме 33-го отряда краснолетов, что-то мастерил из самолетных деталей, найденных на свалке. А еще вместе с друзьями он создал «Клуб любителей авиации», и они с энтузиазмом включились в работу только что созданного Добровольного общества друзей Воздушного флота (ОДВФ). И если путь в летную школу сыну служащего был закрыт, то строить модели и планеры никто запретить не мог.

Чертежи и общий рисунок своего первого планера «Голубь» ОКА-1, раскрашенные для пущей убедительности акварельными красками, 17-летний Олег направил на московский конкурс. Он оказался единственным молодым энтузиастом, рискнувшим представить на суд специалистов свое детище, и был премирован пробным полетом на немецком гидросамолете «Юнкерс-12». Как активист и руководитель авиамастерской, Антонов по рекомендации ОДВФ поступил в Саратовский университет. Правда, Олега туда не хотели принимать, потому что кареглазый парнишка из-за постоянного недоедания и перенесенного сыпного тифа выглядел лет на 13-14. Но путейский факультет, к счастью для Антонова, закрыли, и спустя год он уже был студентом отделения гидроавиации в Ленинградском политехническом институте (1925 г.). Учился Олег легко и с удовольствием, а как опытный планерист тут же был избран секретарем технического комитета ОДВФ. К тому времени он написал две брошюры – «Простейшие модели планера из бумаги» и «Зачем нам нужны планеры», принял участие в слете планеристов в Коктебеле. Правда, «Голубь» так и не взлетел, но модель вызвала интерес самобытной конструкторской разработкой.

И в институте Антонов время зря не терял: работал инструктором авиамodelьного кружка, писал статьи в газету, делал макеты самолетов для научно-фантастического фильма «Наполеон-газ» – зарабатывая тем себе на пропитание. Он много успевал, видимо, помогал лозунг: «делать медленные действия без промежутков между ними». Интересно, что антоновский планер ОКА-3 испытывал во время своей опалы прославленный летчик В. Чкалов, он же учил будущего конструктора держать штурвал самолета. А на одном из первых слетов в Коктебеле Олег познакомился еще с одним заядлым планеристом, мечтавшим установить на аэроплан без мотора (планер) ни много ни мало, а ракетный двигатель, – С. Королевым. Абсолютно несхожие по характеру люди сохранили юношескую дружбу на всю жизнь.

В 25 лет Антонов стал сразу главным конструктором в КБ московского планерного завода. Еще за годы учебы он построил ОКА-3, «Стандарт-1», «Стандарт-2» и ОКА-6 – мощный паритель «Город Ленина». Задачу «от модели к планеру, от планера – на самолет» молодой конструктор успешно выполнил: в течение восьми лет завод выпускал до двух тысяч машин в год. Огромный интерес молодежи к планеризму был обусловлен почти полным отсутствием в тот период самолетов, и каждый будущий летчик учился летать именно на планерах. Да и сам Антонов неоднократно признавался, что «строил планеры, чтобы летать». Всего серийно выпускалось около тридцати типов его планеров и среди них: «Упар», «Рот-Фронт-7» (на нем в 1939 г. О. Клепикова установила международный рекорд дальности – 749 км за 8 ч 25 мин., много лет не превзойденный), БС-3 («Буксировочный серийный»), «Массовый-4» и экспериментальный мотопланер ЛЕМ-2.

Несмотря на огромную загруженность, молодой конструктор усиленно занимался спортом. Это был своеобразный протест против туберкулеза, который постоянно подтачивал здоровье. Особое предпочтение Антонов отдавал теннису и играл чуть ли не на уровне профессионалов. На кортах он и познакомился со своей первой женой Лидией Сергеевной Кочетковой и повез ее в свадебное путешествие на слет планеристов в Коктебель (1930 г.). Элегантный, всегда хорошо одетый, обходительный в обращении Антонов выделялся на фоне сверстников подчеркнутой интеллигентностью и бесконечной преданностью своей мечте. Лидия Сергеевна признавалась: «Я была потрясена полетами и человеком», и вскоре дело мужа стало и ее делом: она сконструировала самый маленький планер в Союзе – «8 Марта». В 1936 г. у супругов родился сын Роллан, а через год семья распалась. Олег Константинович влюбился в прекрасного расчетчика-прочниста Елизавету Аветовну Шахатуни. Произошли изменения не только в его личной жизни. Сталин приказал закрыть планеризм из-за бегства на учебном самолете инструктора планерного дела в Коктебеле. Когда Антонова сняли с должности, генеральный авиаконструктор А.С. Яковлев предложил ему должность ведущего конструктора в своем КБ (1938-1940 гг.).

В 1940 г. Антонов получил собственное КБ в Ленинграде, где через восемь месяцев блестяще сконструировал, построил и испытал опытную модель самолета связи. Его серийному выпуску помешала война. Олега Константиновича вновь затребовали в Москву. Теперь он выпускал для фронта свой знаменитый транспортно-десантный планер А-7, обеспечивавший питанием, оружием, боеприпасами партизанские отряды, сбрасывавший десанты в глубокий тыл противника. Поэтому медаль «Партизану Великой Отечественной войны» конструктору была вручена не случайно. Совершенно оригинальной была еще одна работа О.К. Антонова – буксировочный планер-биплан КТ «Крылья танка» для перевозки по воздуху танка, присоединенного к планеру, с управлением им из танка. Но тяжелые буксировщики для его разгона появились только к концу войны, и планер серийно не выпускался.

В 1943-1946 гг. Антонов как первый заместитель главного конструктора в ОКБ Яковлева принимал непосредственное участие в создании ЯК-3, но мечтал о самостоятельной работе. Это осуществилось, когда в Новосибирске было открыто новое КБ, которое и возглавил Олег Константинович. Война была позади, и конструктор разработал проект одного из самых популярных и массовых самолетов отечественной авиации – уникальный многоцелевой АН-2, прозванный в народе «кукурузником». Дочку, родившуюся в период работы над «Аннушкой», родители назвали Анной, словно предопределив ее будущее: она стала доцентом Киевского института гражданской авиации.

Работалось в Новосибирске легко. Своеобразное положительное биополе Антонова притягивало к нему людей творческих, энтузиастов самолетостроения. А вот климат серьезно угрожал здоровью, и по подсчетам врачей, жить ему оставалось года полтора. Поэтому когда правительство решило начать серийный выпуск АН-2 (Государственная премия СССР) на Киевском авиазаводе, Олег Константинович согласился на переезд. Завод был в плохом состоянии: квалифицированных кадров не хватало, семьи сотрудников иногда жили прямо в цехах. Но самолетом заинтересовался Н.С. Хрущев, в то время первый секретарь ЦК КП(б)У, и обещал, что коллектив будет жить как у Христа за пазухой. Только в 1952 г. КБ окончательно переехало в Киев, где теплый климат благотворно повлиял на здоровье Антонова.

Днем рождения семейства Ан считается 6 сентября 1949 г., когда в небо взмыла первая серийная «Аннушка». Вряд ли в мире есть еще такая неприхотливая и универсальная машина, «овладевшая 18 профессиями», испытанная в Африке и Антарктиде и выпускавшаяся в течение 30 лет. Все самолеты Антонова в первую очередь отличались полезностью, высокой экономичностью перевозок, огромным запасом прочности и, следовательно, долговечностью.

У Олега Константиновича всегда был «поразительный нюх» на технические новинки. Он внедрил в самолетостроение композиционные материалы, монолитные конструкции, точечную

сварку на клеевой основе. А сколько новых неожиданных конструкторских решений генерировал его мозг! Ан-8 стал первой в транспортной авиации машиной нового облика. За широкий фюзеляж ее прозвали «воздушным дельфином» и «летающим китом», а патриарх советского авиастроения А.Н. Туполев одобрительно хмыкнул: «Хороший сарай». Но практически не было ни одной машины, выпуск которой Антонову не пришлось бы отстаивать с боем. Директор завода Шелест недолюбливал самостоятельного конструктора. На одном из партийных собраний при всем честном народе он заметил: «Вы думаете, что после "кукурузника" вам удастся создать такой серьезный самолет?» Ставил Шелест палки в колеса и заняв пост секретаря ЦК КПУ. И хотя «министерские игры» отняли у Антонова много сил и нервов, в небо взлетели: Ан-12 (Ленинская премия), Ан-22, Ан-26, Ан-32 (Государственная премия УССР), Ан-72, Ан-124, решавшие задачи военно-транспортной авиации, воздушно-десантных войск и обеспечения грузовых перевозок Аэрофлота; многоцелевые Ан-2, Ан-14, Ан-28, отличающиеся способностью базироваться на неподготовленных площадках длиной до 550 м; пассажирские Ан-10 и Ан-24, обладающие высокой экономичностью перевозок; цельнометаллические планеры А-11, А-13, А-15, мотопланер Ан-13 и дельтапланы «Славутич».

Антонов говорил: «У каждого самолета своя судьба. Одни рождаются легко, при всеобщем одобрении, под аплодисменты. Это баловни судьбы». Но некоторые самолеты разбивались, и это были самые страшные моменты в жизни конструктора. После гибели АН-10 (Золотая медаль Всемирной выставки) под Харьковом Олег Константинович поделится бедой со своим другом, знаменитым хирургом Н. Амосовым: «Нет, не буду больше строить больших пассажирских самолетов. Я не переживу одновременную гибель многих людей... После катастрофы с "десяткой" я не раз просыпался ночью в холодном поту и дрожащей рукой снимал трубку – неужели авария с моим самолетом». Сам Амосов считал, что Антонов был «слишком чувствительным человеком для генерального конструктора, и в то же время это было счастье для народа».

Олег Константинович и впрямь был человеком неординарным: незаурядный художник, поэт, писатель, спортсмен, садовод. На все хватало сил и времени, все делал на высоком профессиональном уровне с огромной отдачей. Умел дружить, умел любить. В 56 лет он женился в третий раз, и Эльвира Павловна, которая была младше его на 31 год, подарила мужу двоих детей – Лену и Андрея. Как Антонову удалось удержать сложный баланс взаимоотношений в трех семьях, наверное, является своеобразной мужской тайной, но дети и жены дружили, а легендарная фигура антоновской фирмы Елизавета Аветовна Шахатуни, лауреат Ленинской премии, орденосец, была заместителем генерального конструктора по прочности. Необыкновенная личность Антонова поражала и притягивала не только женщин. Его дружбой гордились многие достойные люди. Депутат, лауреат, орденосец был искренним человеком, умел позаботиться обо всех и каждом, радовался чужим прозрениям и отстаивал их как свои. Когда готовились документы к награждению Антонова второй Золотой Звездой Героя Социалистического Труда за создание «Антея» (первую ему вручили в честь 60-летия в 1966 г.), Олег Константинович отказался в пользу своего заместителя А.Я. Белолипецкого. Говорят, что Брежнев, прочитав письменный отказ Антонова, очень удивился: «В наше время еще встречаются люди, которые отказываются от наград...»

Любил Олег Константинович и преподносить сюрпризы. Одним из них стал крылатый гигант «Антей» – Ан-22, который потряс посетителей Всемирного салона авиации в Ле-Бурже. «Летающий собор», «поезд в воздухе», «мегасамолет», «новая эпоха в самолетостроении» – какие только не придумывали эпитеты восторженные журналисты. Такое же впечатление произвел в мире и «Руслан» – Ан-124 (1985 г.), последний самолет, который был создан под руководством Антонова. Потом молва разнесла легенду о том, что конструктор зашифровал в его названии аббревиатуру слов «Русский лайнер Антонова». Этому исполину только стоянка нужна размером с футбольное поле. Внутри каждого из четырех двигателей человек может

стоять в полный рост. В кабины летчиков и сменного экипажа надо карабкаться по лестнице на высоту третьего этажа. Он способен поднимать в воздух груз весом в 150 т. Специалисты считают, что воплощенная в «Руслане» конструкторская мысль настолько опередила время, что этот самолет будет считаться современным еще лет 20-30.

В последние годы жизни здоровье все чаще подводило генерального конструктора. В 1979 г. он перенес сложную операцию по удалению опухоли кишечника, в 1982 г. резко обострился туберкулезный процесс в легких. Но не это подкосило Олега Константиновича, а человеческая зависть и подлость. Кто-то после первого испытания «Руслана» написал анонимку, начались разбирательства «в верхах». Эмоциональный, всегда болезненно воспринимающий несправедливость Антонов умер 4 апреля 1984 г. от инсульта.

Имя выдающегося конструктора продолжает жить не только в самолетах, созданных при его непосредственном участии: его носит и младшая сестричка «Руслана» – «Мрия» – Ан-255, разработанная генеральным конструктором П.В. Балабуевым. В салоне Ле-Бурже этот супер-гигант появился, неся на спине космический корабль многоразового использования «Буран». «Зрелище необыкновенное, такого еще не бывало, – писали французские журналы. – Это летающий ангар, в который можно запихнуть что угодно – все влезет... У Антонова появились талантливые последователи, вполне достойные покойного конструктора. Это уже не школа – это подлинный университет конструирования».

Бандера Степан Андреевич (род. в 1909 г. – ум. в 1959 г.)

Украинский политический деятель, один из лидеров Организации украинских националистов, руководитель украинского национального сопротивления (1939-1954 гг.).

Степан Бандера – значительная и противоречивая личность в истории Украины. Его имя с ненавистью произносили польские и немецкие оккупанты, а для советской власти «бандеровцы» стали воплощением самых опасных и закоренелых преступников. Это слово на долгие годы вошло в употребление народов, населявших СССР, и оценивалось наравне с «сепаратистами», «националистами» и даже «фашистами». Рожденное в недрах советской пропагандистской кухни понятие «бандеровщина» успешно справилось с задачей раскола украинского народа на «своих» и «чужих». И даже в современной Украине оно продолжает выполнять такую функцию. Одни считают Степана Бандеру освободителем и борцом за независимость, другие – террористом, для достижения своих целей не щадившим мирного населения.

Будущий лидер ОУН родился 1 января 1909 г. в с. Старый Угрынив Калушского уезда Галичины, что входила тогда в Австро-Венгерскую империю, в семье греко-католического священника. Степан был вторым ребенком. Кроме него у родителей – Андрея и Мирославы Бандеры – было еще шестеро детей.

Если родственники со стороны отца занимались земледелием и политикой не интересовались, то со стороны матери было немало сознательных борцов за права украинцев: Павел Глодзинский, дядя Степана, был одним из основателей «Маслосоюза» и кредитного общества «Сельский хозяин». Еще один дядя, Ярослав Веселовский, стал депутатом Венского парламента.

Степан рос в доме, где царил атмосфера украинского патриотизма, живых национально-культурных традиций. Его отец принимал активное участие в возрождении Украинского государства в 1918-1920 гг., был депутатом парламента Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР).

К тому времени мальчику исполнилось 10 лет, и пора было подумать о гимназии. Начальное образование он получил дома с помощью матери и приходящих учителей, а в 1919 г. сдал вступительный экзамен в классической гимназии г. Стрый.

Степан мог учиться только благодаря материальной помощи деда и бабушки. В ту же гимназию поступили его братья и сестры. На каникулах они работали в хозяйстве отца, а во время учебы – у деда. С 14 лет Степан зарабатывал средства на собственные расходы, давая уроки младшим гимназистам. Обучение в гимназии проходило под надзором польских властей, но некоторые учителя смогли вложить в обязательную программу украинское национальное содержание.

Однако главное патриотическое воспитание гимназисты получали в школьных нелегальных молодежных организациях. В то время среди подростков популярной была организация «Пласт» (по типу скаутских). Естественно, и Бандера не мог пройти мимо нее. Несколько лет из-за слабого здоровья его не принимали в «пластуны». Он упорно тренировался, укреплял здоровье и наконец был зачислен в отряд им. Ярослава Осмомысла. «Пласт» занимался подготовкой подростков к будущей вооруженной борьбе за независимость Украины, патриотическим воспитанием и распространением запрещенной литературы.

В 1927 г., успешно окончив гимназию, Степан намеревался поехать на учебу в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия), но не смог получить паспорт для выезда. Поэтому он остался дома на год. В родном селе занимался хозяйством и культурно-просветительской деятельностью: руководил театральным кружком и хором, основал военно-спортивное товарищество «Луг», участвовал в организации кооператива. Крепкая деревенская школа в Старом Угрыниве появилась тоже благодаря стараниям Бандеры.

К тому времени Степан уже был членом Украинской военной организации (УВО), образованной в 1920 г. из отрядов Сечевых Стрельцов во главе с Евгением Коновальцем. По заданию УВО Бандера вел пропаганду в родном и соседних селах. В стихию подпольной работы он окунулся, едва поступив на агрономический факультет Львовского политехнического института. Хотя Степан честно старался учиться, диплом инженера-агронома он так и не получил: помешала политическая деятельность и арест.

В 1929 г. завершился процесс объединения всех националистических организаций Западной Украины в единую Организацию украинских националистов. Проводником (руководителем) ОУН был избран Евгений Коновалец, а созданная ранее УВО вошла в ОУН как одно из подразделений. Членом новой организации Бандера стал с начала ее существования. Имея уже опыт революционной деятельности, он руководил распространением подпольной литературы, которую печатали за пределами Польши. На этот период приходится его первые аресты, ставшие школой политической борьбы.

Вскоре Степан Бандера вошел в состав Краевой Экзекутивы (исполнительного органа) ОУН, заняв пост секретаря отдела пропаганды в Западной Украине. Он действительно поднял пропаганду национальной идеи на высокий уровень. Начались массовые акции, которые преследовали цель пробуждения политической активности народа. В частности, Бандера задумал и провел «Школьную акцию», когда ученики выбрасывали из школ польские гербы и флаги, отказывались отвечать на польском языке и бойкотировали учителей-поляков. «Антимонопольная акция» представляла собой отказ украинцев покупать водку и табак. ОУН призывала: «Прочь из украинских сел и городов водку и табак, потому что каждый грош, потраченный на них, увеличивает фонды польских оккупантов». Польские газеты немедленно представили это как очередное доказательство украинского антисемитизма: ведь держателями питейных заведений, как правило, были евреи.

Для проведения подобных акций требовались немалые средства. Поэтому боевики ОУН, находясь в состоянии войны с польским государством, часто грабили банки и почтовые отделения. При этом иногда погибали случайные прохожие. Естественно, что такие действия нано-

сили удар по имиджу организации. Поняв это, Степан Бандера запретил акции экспроприации. Решено было сосредоточиться на политической пропаганде.

В начале 1933 г. конференция Провода ОУН в Праге утвердила Степана Андреевича на посту краевого проводника. Началась серьезная работа по расширению структуры ОУН и организации подпольной учебы кадров. Чтобы еще раз напомнить о целях борьбы с режимом, была проведена серия карательных акций против представителей польской власти. Два наиболее известных политических убийства того времени получили широкую огласку в мире. 21 октября 1933 г. 18-летний студент Мыкола Лемьк убил сотрудника советского консульства в Львове А. Майлова, заявив, что пришел отомстить за голодомор в Украине, устроенный большевиками. Этим политическим убийством руководил лично Бандера. Суд над Лемьком дал возможность заявить, что голод в Украине – действительный факт.

Еще одной жертвой мести ОУН стал министр внутренних дел Польши Бронислав Перацкий. Решение о его устранении было принято на специальной конференции ОУН в Берлине, где присутствовал Андрей Мельник – представитель Провода Украинских националистов и краевой проводник Степан Бандера. Убийство было актом возмездия за проведенную в 1930-1932 гг. под руководством Перацкого операцию «пацификации» (умиротворения), когда в результате действий польской полиции и армии были разрушены и сожжены сотни сел, убиты несколько тысяч жителей Галичины и Волыни. План покушения разработал Роман Шухевич, приводил его в действие Мыкола Лебеда, общее руководство осуществлял Степан Бандера. Организатор и исполнитель покушения были арестованы, а кроме них – еще 10 человек, обвиненных в подготовке преступления.

Два года длилось следствие. Бандеру содержали в одиночной камере закованным в кандалы. На суде во Львове обвиняемые отказывались говорить по-польски, здоровались приветствием «Слава Украине!» и превратили зал процесса в трибуну пропаганды идей ОУН. Степана Бандеру, Мыколу Лебеда и Ярослава Карпинца суд приговорил к смертной казни. По амнистии, объявленной ранее, высшую меру заменили пожизненным заключением. Несколько попыток подготовить побег Бандеры из тюрьмы не имели успеха. За решеткой он просидел до 1939 г. Когда Германия напала на Польшу, городок, в котором находилась тюрьма, подвергся бомбардировке. Тюремная охрана разбежалась, а Степана Бандеру выпустили из камеры освободившиеся заключенные-украинцы.

Оказавшись на свободе, Бандера прибыл во Львов. За несколько дней до этого город был занят Красной Армией. Поначалу находиться там было относительно безопасно. На протяжении нескольких недель происходила разработка стратегии будущей борьбы. Продумывался план действий на случай массовых репрессий и депортаций советскими войсками населения Украины.

НКВД уже во время львовского процесса 1936 г. проявлял интерес к ОУН и самому Бандере. Ведь тогда Степан Андреевич заявил: «ОУН борется с большевизмом потому, что большевизм – это система, с помощью которой Москва поработила украинскую нацию, уничтожив украинскую государственность... Большевики применяют методы физического уничтожения – массовые расстрелы и голод, поэтому и мы в борьбе с ними применяем физические методы».

Теперь организации представилась реальная возможность показать, что она выступает против любых оккупантов Украины, чью бы форму они ни носили. После освобождения из польских тюрем большинства оуновцев началось формирование густой сети ОУН по всей Украине, налаживание широкомасштабной деятельности. Вскоре Бандера прибыл в Краков для согласования дальнейших планов. Требовалось также срочное лечение обострившейся в тюрьме болезни суставов. Пришлось нелегально переходить советско-немецкую демаркационную линию.

К тому времени в организации имелись внутренние конфликты: между молодыми и более опытными, между руководством, комфортно живущим в эмиграции, и основной массой членов ОУН, работавших в условиях подполья и полицейского преследования.

Лидер ОУН Евгений Коновалец, используя свой дипломатический и организационный талант, умел гасить противоречия. Гибель его в 1938 г. в Роттердаме стала тяжелой потерей для националистического движения. Преемником Коновальца стал его ближайший соратник, полковник Андрей Мельник – человек хорошо образованный, сдержанный и терпимый. Дальнейшие события приняли драматический оборот для украинского национально-освободительного движения.

После совещаний в Кракове и Вене Бандера был делегирован в Рим для переговоров с Мельником. Главное расхождение между Проводом ОУН и Краевой Экзекутивой было в стратегии национально-освободительной борьбы. Бандера и его единомышленники считали необходимым поддерживать контакты со всеми воюющими сторонами, не сближаясь ни с какой группировкой, рассчитывая только на собственные силы, поскольку в независимости Украины не был заинтересован никто. Фракция Мельника считала, что нужно делать ставку на Германию.

Не сумев договориться, каждая из двух группировок провозгласила себя единственным законным руководством ОУН. В дальнейшем антагонизм между ними достиг такого накала, что они нередко сражались друг против друга с таким же ожесточением, как и против врагов Украины.

Отношение немецкого руководства к ОУН было противоречивым. Пользуясь этим, бандеровцам удалось создать «Легион украинских националистов», состоявший из двух батальонов – «Нахтигаль» (соловей) и «Роланд». Немцы планировали использовать их в подрывных целях, а Бандера надеялся, что они станут ядром будущей украинской армии.

30 июня 1941 г., сразу же после отступления Советской армии, Национальное собрание во Львове провозгласило Акт восстановления Украинской Государственности. Было образовано украинское правительство в составе 15 министров во главе с Ярославом Стецко. Вслед за фронтом на восток были отправлены отряды ОУНовцев по 7-12 человек (всего около 2 тыс. человек), которые должны были формировать украинские органы самоуправления на захваченных немцами территориях.

Германия, однако, вовсе не была заинтересована в независимой Украине. Гитлер поручил Гимmlеру срочно ликвидировать «бандеровскую диверсию». Во Львов немедленно прибыла команда СД и спецгруппа гестапо. Стецко и Бандеру арестовали. Украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» были расформированы, их командиры арестованы.

Нацисты бросили в концлагеря и тюрьмы сотни украинских борцов за независимость. Начался массовый террор. В концлагере Освенцим были зверски замучены братья Степана Бандеры – Олекса и Василь. Несколькими месяцами ранее органами НКВД во Львове был арестован и позже расстрелян и отец – Андрей Бандера. Сестер Марту и Оксану отправили на вечное поселение в Красноярский край.

Бандера пробыл в лагере Заксенхаузен до конца 1944 г.

Осенью 1942 г. из партизанских отрядов бандеровцев, мельниковцев и «Полесской сечи» была сформирована Украинская повстанческая армия (УПА) во главе с Романом Шухевичем. УПА вела борьбу с советскими войсками, красными партизанами, польской армией и фашистами.

Почувствовав на своей шкуре силу УПА, немцы начали искать в ней союзника против Москвы. В декабре 1944 г. Бандера и несколько его сподвижников были освобождены. Ему так и не удалось попасть в Украину. Центральные органы ОУН разместили на западе Германии. На заседании совета руководства Степан Андреевич был избран руководителем Заграничной части ОУН. На конференции 1947 г. Бандеру избрали руководителем всей Организации укра-

инских националистов. К тому времени в Заграничных частях возникла оппозиция Бандере. Его упрекали в диктаторских замашках и неокommунистической идеологии. После длительных дискуссий Бандера подал в отставку и собирался ехать в Украину. Однако отставка принята не была. Еще дважды – в 1953 и 1955 г. – конференции ООН избирали его главой руководства.

После войны семья С. Бандеры оказалась в зоне советской оккупации. Под вымышленными именами его жена и двое детей скрывались от агентов КГБ. Часто семья недоедала, дети росли болезненными. С начала 1950-х гг. мать с детьми поселилась в маленьком селе Брайтбрун. Здесь Степан мог бывать чаще; несмотря на занятость, отец уделял время для занятий с детьми украинским языком. В 1954 г. семья переехала в Мюнхен, где уже жил Степан Андреевич.

В последние 15 лет жизни Степан Бандера опубликовал большое количество теоретических работ, в которых анализировалась политическая ситуация в мире, в СССР, в Украине, намечались пути дальнейшей борьбы. Эти статьи не утратили своего значения и в наше время. Так, в работе «Слово к украинским националистам-революционерам за границей» Бандера писал: «Самостоятельного государства украинский народ сумеет добиться путем борьбы и труда. Без активной борьбы самые благоприятные ситуации не дадут нам никогда государственной независимости – только замену одного порабощения другим. Как освобождение, так и защита самостоятельности Украины может в основе своей опираться только на собственные украинские силы, на собственную борьбу и постоянную готовность к самозащите».

15 октября 1959 г. Степан Бандера отпустил охрану и вошел в подъезд дома, в котором жил вместе с семьей. На лестнице его встретил молодой человек. Из специального пистолета он выстрелил в лицо Проводнику ООН струей раствора цианистого калия. Произошла остановка сердца.

Это убийство было заключительным актом 15-летней охоты на лидера украинских националистов. Убийцей оказался агент КГБ, 30-летний украинец Богдан Сташинский. За выполненное задание шеф КГБ Шелепин вручил ему в Москве орден Красного Знамени.

Имя Степана Бандеры для многих его соотечественников на западноукраинских землях стало символом еще при жизни. Символом и знаменем борьбы за независимость и соборность Украины.

Бердяев Николай Александрович (род. в 1874 г. – ум. в 1948 г.)

Религиозный философ, публицист, автор сочинений: «Смысл творчества», «Философия свободного духа», «О назначении человека», «Судьба России», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Философия неравенства», «Самосознание» и др.

У себя на родине он был менее известен, чем на Западе. За границей его лучше прочитали и поняли просвещенные интеллектуалы, назвавшие Бердяева «русским Гегелем XX в.», «одним из универсальных людей нашей эпохи». Это был мыслитель, сумевший связать воедино дух культуры, историю двух систем – Востока и Запада – и сказавший о необходимости человеческой свободы больше, чем кто-либо из философов всего мира.

Бердяев происходил из древнего рода. Отец будущего философа, штаб-ротмистр в отставке, предводитель дворянства, председатель Киевского земельного банка Александр Михайлович Бердяев был женат на княжне Алине Сергеевне, урожденной Кудашевой, француженке по матери. Их первенец Сергей впоследствии стал известным поэтом-сатириком. А второй ребенок, Николай, родился на пятнадцать лет позже, 18 марта 1874 г.

Детство Николеньки было размеренным и счастливым. Безмятежная жизнь в богатой дворянской усадьбе при любящей няне, забота родителей, поездки с ними на заграничные курорты создавали особую атмосферу, характерную для большинства дворянских семей. Получив домашнее образование, 14-летний Николай был отдан в престижное закрытое учебное заведение – Киевский кадетский корпус, по окончании которого поступил в Киевский университет, на естественный и юридический факультеты одновременно.

Начало учебы в университете совпало с возникновением в России марксистских кружков. Членом одного из них – Центрального кружка саморазвития – Бердяев стал в 1895 г. Его наставником был сам Плеханов, а будущий большевистский нарком просвещения Луначарский – товарищем по борьбе. Вскоре последовал первый арест Николая за участие в студенческих демонстрациях. Вторично его арестовали весной 1898 г. – за принадлежность к киевскому

«Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Исключенный из университета и выпущенный из тюрьмы под залог, Бердяев в ожидании приговора основное время посвящал публицистике. В этот период он написал первую серьезную статью о немецком социалисте Ф. Ланге и критической философии.

В основу своей оригинальной философской системы Бердяев положил свободу. Он считал, что «весь мировой процесс есть здание темы о свободе, есть трагедия, связанная с выполнением этой темы». Трагедия происходит от того, что бремя свободы не каждому по силам. Эти мысли прозвучали в его первой книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», которая, едва выйдя из печати, сразу же принесла доселе неизвестному литератору почти всероссийскую славу.

Правда, сам философ-революционер в этот момент уже находился под гласным надзором полиции в Вологодской губернии, куда был выслан на три года по приговору суда. Как отмечали филеры местного охранного отделения, летом 1901 г. они видели его катающимся на велосипеде, читающим книги в городском саду или в Публичной библиотеке, провожающим «барыньку лет 19, шикарно одетую, с которой Бердяев все время ходил под руку». По окончании ссылки Николай поселился в Петербурге и в 1904 г. женился на Лидии Трушевой, дочери известного петербургского адвоката, прожившей с ним долгие годы в любви и согласии. По его собственному признанию, «Лидия была человеком необыкновенной духовности, перед смертью она приблизилась к святости».

В целом 1900-е гг. были бурными в жизни Николая Александровича: редактирование журнала «Новое время», работа в «Союзе освобождения», участие в петербургских религиозно-философских собраниях, литературных «средах» у Вяч. Иванова, где Бердяев был бессменным председателем. На этих «средах» собирался весь цвет русской литературы и философии Серебряного века – Ф. Сологуб, А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, Л. Шестов, С. Франк.

1909 г. ознаменовался выходом в свет сборника статей о русской интеллигенции «Вехи» – книги, так или иначе взбудоражившей всех мыслящих людей в России. Достаточно сказать, что в результате четырех переизданий тираж сборника достиг 16 тыс. экземпляров. Огромному по тем временам тиражу соответствовало беспрецедентное количество откликов в периодической печати (250 заметок за год). В опровержение основных мыслей сборника публиковались заметки, статьи и даже целые книги, в том числе и далеких от философии авторов, которые нещадно критиковали Бердяева, Булгакова и Франка.

Кстати, Бердяев был знаком с С. Булгаковым еще по Киевскому университету. Именно Сергей Николаевич ввел его в кружок М.А. Новоселова, где проходили жаркие дебаты на религиозные темы. Вместе с новыми друзьями Николай побывал в Зосимовой Пустыни, у почитаемых старцев Германа и Алексея. Эта поездка оказалась в какой-то мере решающей для философа. Он вспоминал позже: «Во всяком случае, мне было ясно, что я не принадлежу к людям, которые отдают свою волю духовному руководству старцев. Мой путь был иной и, может быть, более трудный... я не мог смирить своего свободолюбия».

В эти годы Бердяев был тесно связан с Религиозно-философским обществом в Москве, где делал доклады и выступал оппонентом других философов. В начале 1910-х гг. он на некоторое время отошел от дел, связанных с религиозной и издательской деятельностью, всецело посвятив себя книге, которая по праву считается одной из вершин философской мысли России. Вышедший в 1916 г. труд назывался «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». В нем автор утверждал, что человек является творением, созданным по образу и подобию Творца. И оправданием человеческой жизни, основным содержанием ее и путем к спасению является творчество: «Творчество... есть обнаружение избыточной любви человека к Богу, ответ человека на Божий зов, на Божье ожидание».

Занимаясь философскими размышлениями, Николай Александрович не оставался в стороне и от событий современности. За газетную статью в защиту монахов Афонского Свято-

Пантелеймонова монастыря, обвиненных в ереси, его отдали под суд, и угроза вечного поселения в Сибири оставалась реальной вплоть до отменившей все политические процессы революции.

Февраль и Октябрь 1917 г. Бердяев встретил в Москве: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное. Эта революция произошла со мной, хотя бы я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений». В первые послереволюционные годы философ вернулся к общественной деятельности. Осенью 1918 г. он организовал в Москве Вольную академию духовной культуры, где читали свои курсы А. Белый, Вяч. Иванов, С. Франк, устраивались семинары, публичные собрания с прениями. Сам Бердяев вел семинар по Достоевскому, читал курсы «Философской религии» и «Философии истории». На основе последнего курса он издал книгу «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы», которую наряду со «Смыслом творчества» ценил больше всего из написанного им в доэмигрантский период.

Деятельность Бердяева, ставшего заметной фигурой в большевистской столице, начала привлекать внимание новой власти. В 1920 г. он был арестован в связи с делом «Тактического центра», допрошен лично Ф. Дзержинским и освобожден без каких-либо последствий. В 1922 г. последовал второй арест, а в сентябре – высылка за пределы РСФСР по идеологическим причинам в составе 160 представителей интеллигенции, оппозиционно настроенных к новому строю.

Первым местом жительства семьи Бердяевых стал Берлин, а с лета 1924 г. они обосновались в рабочем предместье французской столицы – Кламаре, где сначала снимали квартиру, а потом переехали в собственный дом, полученный в наследство от друга семьи англичанки Флоренс Вест. Жили они скромно, по выражению Николая Александровича, «как в монастыре, никаких развлечений, визитов, поездок (кроме необходимого лечения)». В Париже Бердяев возобновил деятельность основанной им еще в Берлине религиозно-философской академии. С 1925 г. он издавал «орган русской религиозной мысли» – журнал «Путь». Постоянно участвовал в международных конгрессах и симпозиумах, организовывал встречи представителей католической, протестантской и православной религиозно-философской мысли.

1940-е гг. оказались для семьи Бердяевых чрезвычайно тяжелыми: война, немецкая оккупация, нехватка топлива и продуктов, болезни, серьезная операция, перенесенная Николаем Александровичем в 1942 г. Во время Второй мировой войны обострилось и его патриотическое чувство, заставившее однажды признать: «Я не националист, но русский патриот». Такая позиция грозила арестом, но, как выяснилось после войны, кто-то из высшего германского командования считал себя знатоком и покровителем философии, и это спасло Бердяева от преследований гестапо.

Спустя несколько месяцев после окончания войны Бердяев пережил большое горе – в сентябре 1945 г. похоронил жену, которая на протяжении почти сорока лет была для него единственной любимой женщиной. Ее памяти посвящена одна из последних книг философа – «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого». В конце жизни он получил ученую степень доктора Кембриджского университета, был даже представлен к Нобелевской премии, но получить ее не успел. 23 марта 1948 г. Николай Александрович скончался.

Философское и литературное творчество Бердяева обширно. Его перу принадлежит более 450 работ. Но о чем бы ни писал философ, он всегда был верен главному направлению, которое определил для себя еще в юности: «Меня называют философом свободы... Свобода для меня первичное бытие. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ. В сущности, я всю жизнь пишу философию свободы, стараясь ее усовершенствовать и дополнить».

Блохин Олег Владимирович (род. в 1952 г.)

Выдающийся футболист и тренер, лучший форвард киевского «Динамо»; лучший футболист Европы (1975 г.). Бронзовый призер XX и XXI Олимпийских игр (1972, 1976 г.). Обладатель Кубка кубков (1975, 1986 г.) и Суперкубка Европы (1986 г.). Член символического «Клуба Г. Федотова» (317 голов). Автор книг «Футбол на всю жизнь», «Гол, который я не забил», «Право на гол», «Экзаменует футбол», «Жизнь без черновиков». Награжден орденом «За заслуги» III степени, православным орденом преподобного Нестора Летописца. Член Комитета по вопросам молодежной политики, физической культуры, спорта и туризма Верховной Рады Украины. Тренер национальной сборной Украины по футболу (2003 г.).

Мало найдется на свете людей, которые в состоянии притянуть к телевизионному экрану и женщин и мужчин и не вызывать при этом разногласий во мнении обеих сторон. Олег Блохин, звезда киевского «Динамо» 70-80-х гг. – один из таких чародеев. Для «слабого» пола он был просто обаятельным и сильным человеком, для «сильного» – почти единственной надеждой услышать от спортивного комментатора заветное слово: «Гол!!!». А сам Олег Владимирович говорит о многих годах напряженного труда, поражений и побед: «Футбол – моя радость и горе. Футбол – моя жизнь, в которой я отстаиваю свое право на гол. И всякий раз гоню от себя мысль, что с этим рано или поздно надо расстаться...» Легендарный нападающий не расстается с футболом уже более 40 лет.

В семье Блохиных никогда не говорили: «не бегай, не прыгай, сиди тихо»; наоборот – поощряли к движению обоих сыновей, старшего Николая и младшего, родившегося 5 ноября 1952 г. Олега. Это не удивительно: ведь их мама Екатерина Захаровна была многократной чемпионкой СССР по спринту, 68 раз вносила поправки в рекорды Украины, а отец Владимир Иванович, хоть и не достиг небывалых высот, но тоже был прекрасным легкоатлетом и все-таки увлекался футболом. И время было такое, что мяч гоняли все мальчишки, мечтая когда-

нибудь сравняться славой с известными мастерами. Олег тоже рос таким, и родители сумели уловить в нем, как ранее в старшем Николае (химик по призванию, он в студенческие годы получил разряд по легкой атлетике), спортивный характер. Мама за руку привела мальчика в футбольную секцию при факультете физического воспитания, и он целых две недели ходил на самые настоящие тренировки, пока тренер куда-то не пропал. Чтобы восторженный блеск в глазах Олега не угас, Владимир Иванович сам начал спускать с сына семь потов на обязательных утренних разминках – готовил к поступлению в школу «Юного динамовца».

15 сентября 1962 г. Олег Блохин, сдав вступительный экзамен – технические приемы и игру в мини-футбол, – заполнил учетную карточку и стал официальным членом общества «Динамо». Надо сказать, на экзамене том он ничем особенно не выделился. Невысокий для своего возраста, стеснительный и довольно хлипкий мальчик попал в команду А. Леонидова только благодаря необычайной скорости реакции. Его долгое время обзывали «папенькиным сыном» и «трусом» – за то, что его отец был лично знаком с тренером и что мальчик не ввязывался в драку с более сильными ребятами. Олег не обращал на задиры внимания и только и знал, что тренироваться. Леонидов постоянно слышал его просьбы: «Разрешите остаться поработать у стеночки над техникой». Он мог подолгу отрабатывать удары, жонглировать мячом, а то, переборов себя, ринуться в силовую борьбу с противниками. Результаты не заставили себя ждать: голы, забитые во многих встречах, принесли первую путевку на международные соревнования. Поездка во Францию в Круа на европейский турнир юношеских команд в мае 1969 г. и занятое тогда третье место очень запомнились девятикласснику Олегу Блохину. Там же и выявился его бескорыстный характер: в то время как члены сборной металась по Парижу в поисках модных свитеров и джинсов, юный нападающий все карманные деньги потратил на сувениры для одноклассников. Те знали его не только как прилежного ученика и верного друга, но и как человека, страстно влюбленного в футбол, – потому временами бывающего несдержанным, вспыльчивым, очень обидчивым, – но всегда добивающегося поставленной цели. Все эти черты у Блохина сохранились и по сей день.

По окончании школы Олег был уже игроком дублирующего состава «Динамо». Параллельно с постоянными сборами и тренировками он заочно учился в Киевском государственном институте физической культуры. В «дубле» Блохин пробыл три сезона. Конечно, он очень хотел попасть в основной состав, но сам понимал, что рано – многие футбольные элементы оказались не закреплены, – и Олег оттачивал технику под руководством заслуженного тренера Украины М. Комана, все время размышляя, кого же из непобедимых форвардов – А. Бышовца, А. Пузача, В. Онищенко или В. Хмельницкого – сможет сменить. В ноябре 1971 г. Блохин, уже полноправный игрок «Динамо», отстоял свое право быть членом сборной СССР на XX Олимпийских играх и летом 1972 г. вместе с командой стал бронзовым призером. Это было начало «эры Блохина», который вскоре стал наводить ужас на защитников и вратарей всего мира. Но не все в его взлете было так просто, как может представиться. Поначалу молодому нападающему казалось, что опытные партнеры мало и плохо взаимодействуют с ним, не принимают в командную игру. Он все время старался «захватить» мяч и создать голевую ситуацию, полагаясь только на свою высокую скорость. Но когда прошел страх оказаться ненужным, вся команда, включая и тренеров, поняла, что Блохин превзошел почти всех, и начала сама играть «на него».

Чтобы перечислить все победы и поражения Олега Блохина, потребовалось бы написать несколько книг (что и сделал в разные годы сам футболист). Ему принадлежат все личные рекорды в советском футболе: за сборную СССР он провел 112 матчей и забил 47 мячей, сыграл в чемпионатах СССР 432 раза и забил 211 голов. В пяти сезонах Олег возглавлял список бомбардиров первенства страны, 15 раз назывался в тройках лучших игроков сезона (причем 13 под первым номером), стал семикратным чемпионом СССР, в разное время трижды

был капитаном своей команды, дважды входил в сборную команду Международной федерации футбола (ФИФА).

Олег Владимирович прослыл футболистом, определяющим командную игру. Он уверенно взаимодействовал со всеми партнерами, маневрировал по фронту атаки, решительно вступал в борьбу при потере мяча, оказываясь организатором многих комбинаций. На протяжении почти двадцати лет Блохин сохранял прекрасную форму, отказывая себе во всех удовольствиях, и по праву считался универсальным форвардом. Никита Симонян считал, что Блохин имел бы на своем счету больше забитых мячей, играй он всегда на острие атаки. И когда однажды великий бомбардир сказал об этом Олегу, тот согласился, но одновременно возразил, что «обеднил бы свою игру».

Переезды, тренировки, игры за «Динамо» и сборную страны – каторжный труд, на личную жизнь времени практически не оставалось. Даже после женитьбы в 1980 г. на Ирине Дерюгиной жизнь прославленного футболиста лишь отдаленно напоминала семейную.

Прощание Блохина с киевским «Динамо» произошло в 1987 г. С началом перестройки многих спортсменов стали приглашать за рубеж. Уехал и Блохин. В течение года он выступал за австрийскую команду «Форвертс». Болельщики увидели последний матч своего кумира в Киеве 28 июня 1989 г.: играли сборная ветеранов СССР и сборная звезд мирового футбола.

И хотя Олег Владимирович считает, что «деньги можно потерять, любовь миллионов – никогда», финансовое положение спортивной семьи Блохина-Дерюгиной, в которой подрастала дочь, абсолютно не соответствовало уровню звездной пары. Легендарный форвард переехал на Кипр, чтобы обеспечить приличную жизнь своим «двум Иринам». Год он играл там за «Арис», но вскоре окончательно повесил бутсы на гвоздь и сам начал «учить забивать голы» других футболистов – стал тренером в Греции. На протяжении двух с половиной лет он возглавлял «Олимпиакос», следом за ним ПАОК и «Ионикос». И хотя в должность тренера, как и в западную жизнь, он пришел «сырым», но руководимые им команды быстро стали занимать неплохие позиции. В частности, «Ионикос» в турнирной таблице с последнего места поднялся на шестое и стал обладателем Кубка Греции.

Несколько лет Блохин разрывался между домом и работой, очень скучая по дочери, которая и так фактически росла без отца, постоянно находившегося в разъездах. В конце концов, по признанию Дерюгиной, брак превратился в «скучнейший телефонный роман» и распался. В 2000 г. Олег Владимирович женился во второй раз. Анжела Блохина младше мужа на 16 лет, и сейчас они растят двух маленьких девочек – Анну и Екатерину, названную в честь знаменитой бабушки, которая, мечтая о внуке, зовет сына «бракоделом». Трехлетнюю Анюту отец в шутку называет Бен Ладеном – уж слишком ярко проявился в дочери шумный семейный характер – и говорит, что дочери заставляют его не опускать руки и «думать о том, что прожито не уже 50, а всего-то 50».

Но несмотря на семейное счастье, Олег Владимирович продолжает «жить в самолетах». Расставшись с тренерской должностью, он оставил семью в благополучной Греции, а сам вернулся на родину и уже на протяжении двух созывов является депутатом Верховной Рады и членом Комитета по вопросам молодежной политики, физической культуры, спорта и туризма в Украине. Но Блохин не любит засиживаться в кабинетах. Он активно участвует в благотворительных акциях, успешно сотрудничает в различных программах с Православной церковью, координирует работу созданного еще в 1994 г. благотворительного фонда им. Блохина, поддерживающего ветеранов спорта, и Кубка его же имени.

За общественными делами на любимый футбол времени у нападающего-тренера-политика практически не остается, его заменяют теннис и плавание. Но 27 сентября 2002 г., предвзяв свой юбилей, Олег Владимирович преподнес сюрприз всем болельщикам и просто людям, не забывшим футболиста. Состоялся благотворительный матч, в котором участвовали его дру-

зья как из команд бывшего СССР, так и из мировых сборных. За каждую команду он сыграл по тайму, по-прежнему показывая высший класс форварда.

Несколько раз Олег Владимирович вел переговоры с украинскими клубами, которые приглашали его работать тренером, но каждый раз что-то не складывалось, откуда-то брались слухи, что Блохин «дорого стоит». А сам титулованный нападающий считал бы себя просто счастливым, если бы представилась возможность тренировать киевское «Динамо» – сборную, к которой он прикипел всем сердцем. И у тех, кто стремится к цели, желания обязательно сбываются: с сентября 2003 г. Олег Владимирович назначен старшим тренером национальной сборной Украины по футболу.

Боровиковский Владимир Лукич
Настоящее имя – Боровик Владимир Лукич
(род. в 1757 г. – ум. в 1825 г.)

Выдающийся художник-сентименталист, мастер портретного жанра, иконописец. Академик живописи (1795 г.), советник Петербургской Академии художеств (1802 г.).

Утвердившаяся в начале XVIII в. светская живопись поставила на ведущее место среди других жанров парадный и интимный портрет. В ряду блестящих мастеров, развивших этот жанр (И. Никитин, А. Матвеев, И. Аргунов, А. Антропов, Ф. Рокотов, Д. Левицкий), не последнее место занимает талантливый и своеобразный художник В.Л. Боровиковский. Он внес в портретное искусство внимательное отношение к миру человеческих чувств и элегическое настроение, столь характерные для расцветающего сентиментализма.

Владимир родился 24 июля 1757 г. в городке Миргород на Полтавщине. Его отец, Лука Боровик, принадлежал к местной казачьей старшине, владел домом и двумя небольшими участками земли. Следуя традиции, четверо его сыновей служили в Миргородском полку. Но Владимир в чине поручика вышел в отставку и посвятил себя живописи. Отец, писавший иконы для сельских церквей, обучил иконописи всех детей. В местной художественной артели Боровики слыли мастерами. Икона «Богоматерь с Христом» и образ «Царь Давид», выполненные в традиции украинского «казацкого» барокко, свидетельствуют, что 28-летний Владимир хорошо усвоил приемы религиозной живописи. А на первом своем полуремесленном портрете «Полковник Руденко», напоминающем старинную парсуну, он запечатлел коренастого казака в кафтане со старательно выписанным лицом. По этой работе никак нельзя было угадать, что Боровик буквально через несколько лет получит признание как выдающийся художник-портретист.

Судьбу Владимира Лукича в корне изменили две аллегории, выполненные для украшения кременчугского дворца. К этой работе его привлек друг, поэт В.В. Капнист, сосланный за смелые произведения из Петербурга на родную Украину. Будучи предводителем дворянства

Миргородского уезда, а затем Киевской губернии, он составлял проекты «потемкинских деревень» для торжественных встреч Екатерины II. Картины Боровика понравились императрице и польстили ее самолюбию. На одной из них она была представлена Минервой, окруженной мудрецами Древней Греции, а на другой были изображены Петр I в облике землепашца, а сама Екатерина II – сеятельницей. Царская похвала открыла Владимиру дорогу в Петербург, куда он и отправился вместе с Капнистом в сентябре 1788 г.

В Академию художеств 30-летний начинающий живописец поступить не мог, хотя и придал своей простонародной фамилии дворянское звучание. Он брал частные уроки у прославленного земляка Д.Г. Левицкого и австрийского портретиста И.Б. Лампи. От учителей Боровиковский перенял блестящую технику, легкость письма, композиционное мастерство и умение польстить портретируемому. В кружке известного архитектора, поэта и музыканта Н.А. Львова, в доме которого он прожил десять лет, Боровиковский оказался среди видных деятелей художественной России: Державина, Баженова, Хемницера, Хераскова. В первые годы пребывания в Петербурге Владимир Лукич в основном продолжал заниматься иконописью. Он создал 37 икон для Борисоглебского собора в Торжке и восемь – для Иосифского собора в Могилеве.

Постепенно художник проникся идеями символизма. Это новое течение было созвучно его спокойной, элегически настроенной натуре. На простой образ жизни Владимира Лукича не повлияли ни слава, ни деньги, он был всецело поглощен искусством, и его быстро растущее мастерство оценили заказчики. К 1790 г. он стал одним из самых знаменитых художников-портретистов, в 1795 г. получил звание академика, а семь лет спустя стал советником Академии художеств.

Блестящими образцами виртуозного владения кистью и всеми средствами парадного изображения в творчестве Боровиковского стали портреты Г.Р. Державина (1795 г., 1811 г.). На них художник запечатлел энергичного державного мужа, сенатора, члена Российской Академии и прославленного поэта – человека, увлеченного общественными делами, просветительскими идеалами и творчеством. Живописец писал великого сына России с предельным уважением и с дружеским расположением. Парадные портреты Д.П. Троицкого (между 1793-1796 гг.; 1819 г.) словно служат наглядными иллюстрациями к словам современников о том, что статс-секретарь императрицы всегда «казался старше» своего возраста и «имел вид несколько угрюмый, друзьям был друг, а врагам – враг». Судьба человека, служившего писарем в Миргородском полку и ставшего министром и членом Государственного совета, его нелегкий характер, угрюмая настойчивость и гордое сознание крупного чиновника, добившегося высокого положения своим умом и волей, ярко читается в созданных образах. Но напряженно-торжественная поза второго портрета и прекрасно написанное лицо не скрывают разочарования в жизни и обиды. Возможно, эти черты Боровиковский сумел подметить только благодаря многолетнему знакомству и дружбе со своим земляком Троицким, который на протяжении многих лет был меценатом художника.

В «Портрете Ф.А. Боровского» (1799 г.) живописец представил еще бравого генерал-майора в парадной форме со всеми регалиями. Но ни решительный поворот головы, ни заслуженные награды, ни храбрость, написанная на лице, не скрывают от зрителя недалекий ум и ограниченность героя суворовских времен. А вот психологический образ опального персидского властителя Муртазы-Кули-Хана (1796 г.), привыкшего скрывать свои чувства, художник словно и не пытался раскрыть, поставив перед собой чисто живописные задачи. Только сочетание грусти и напыщенности оживляет его экзотический облик. Красочность и изысканность цветовой гаммы придают величавой позе принца торжественность и монументальность. А роскошное восточное одеяние – атлас, сафьян, меха и драгоценности – превращает портрет Муртазы-Кули-Хана в один из лучших образцов парадного портрета в русском искусстве.

Исполняя заказной портрет А.Б. Куракина – ближайшего сподвижника императора Павла I, Боровиковский вспомнил слова своего учителя Д. Левицкого: «Нам приходится портретировать не только тех, кого мы уважаем, кто пришелся нам по сердцу. Вот вам мой совет: обращайтесь к принципу натюрморта. Предметы многое могут поведать о тех, кому они принадлежат...» И художник виртуозно и блестяще превращает образ вельможи в сверкающий драгоценностями и атрибутами власти и званий «натюрморт».

Наряду с портретами знатных дворян Боровиковский исполнял и многочисленные заказы царской семьи. Среди лучших – «Портрет Павла I» (1800 г.), картина-портрет «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке» (середина 1790-х гг.) и портрет великого князя Константина Павловича, за который он удостоился звания академика.

И именно тогда, когда его творчество было полной мерой оценено двором, 37-летний художник, вместо того чтобы сосредоточиться на парадных изображениях, увлекся портретной миниатюрой. Как наиболее гармонический жанр, она давала возможность передать чувства. Именно в ней, по мнению Боровиковского, воплощалось само понятие любви и памяти – основа основ всякого искусства. Особым лиризмом и интимностью пронизан «Портрет В.В. Капниста». На небольших овальных парных портретах запечатлены Державин со своей первой женой, дворовые девушки Львова – Лизонька и Дашенька – и чета Львовых. Тонко выписанные миниатюры сохраняли все черты портретируемых до мельчайших деталей.

Но вершинами искусства Боровиковского стали женские камерные портреты, в которые он вложил всю свою нерастратенную нежность. Художник словно любит юность, воспекает красоту и создает для сентиментально-печальных образов особую манеру письма: мягкие переливы приглушенных тонов, живописную гладкость, «фарфоровость», перламутровость. В незабываемых женских портретах, написанных в 1790-1800 гг., воплотилась гармония мягкой и лиричной натуры самого художника (портреты Филипповой, Скобеевой, Арсеньевой). Сентиментален и лиричен сдвоенный портрет сестер Гагариных, объединенных общим настроением «нежной мечтательности» и любовью к музыке. Изящные позы, живые глаза, нежные овалы юных лиц, тонкие переливы серебристо-серых, фиолетово-розовых и голубых тонов, приветливая природа – все говорит о том, что эти славные девушки могут жить только в мире, полном искренности, незлобивости и доброты.

Для прекрасных женских образов Боровиковский создал определенный стиль портрета: поясное изображение, погруженная в задумчивость фигура, опирающаяся рукой на какую-либо подставку, а фоном для томного изгиба тела в легких светлых, словно невесомых одеждах служит тихий пейзаж. Совершенная гармония красок и образов. Но как индивидуальные черты его героинь и как дивно хороша каждая! А изысканно-изящный портрет Марии Ивановны Лопухиной (1797 г.) вызвал даже поэтический отклик. Я. Полонский сентиментально грустит о быстротечности жизни, любви и счастья и склоняется перед мастерством художника, сумевшего навечно воплотить на полотне свою мечту о красоте и гармонии человека, подернув легкой печалью привлекательный образ.

Но красоту ее Боровиковский спас,
Так часть души ее от нас не улетела,
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.

Никого не оставляет равнодушным будто высеченное из мрамора лицо, точеная шея и «этот взгляд», полный «привлекательной печали». Нежная трепетная девушка тихо грустит на фоне светлых берез в голубоватой мгле. Размытые контуры, плавные линии, тончайшие

нюансы цвета, перламутровые переливы светотеней создают полный лирического очарования облик Лопухиной – высочайший образец сентиментализма в искусстве.

К 1810 г. в творчестве Боровиковского наметился поворот к романтическому направлению («Портрет М.Н. Долгорукой»). Но в душе одинокого художника давно поселились усталость и равнодушие. Он тосковал о родине, с радостью открывал свой дом приехавшим в Петербург землякам и оказывал им посильную помощь. Замкнутый, не любящий шума и суеты, Боровиковский не преподавал в Академии и не создал своей живописной школы. Хотя известно, что у него всегда жили трое-пятеро учеников. В одном из писем родным на Украину он писал, что вся семья его – это кухарка и ученики. Кисти одного из них, И.В. Бугаевского-Благодарного, принадлежит портрет Владимира Лукича, а А.Г. Венецианов, будущий «отец бытовой живописи», написал первую биографию своего учителя.

Владимиру Лукичу грустно жилось в разрыве между своими мечтами, воображением и поистине грустной действительностью. Удачливый художник постоянно находился в духовном и интеллектуальном поиске. Он мучился от несправедливости, которую наблюдал в обществе. Певец красоты обрек себя на добровольное отшельничество, которое приняло с годами болезненный характер. Всегда склонный к религиозности, он вновь обратился к иконописи. Владимир Лукич писал образа для иконостасов церкви Смоленского кладбища и Казанского собора, иконы для Покровской церкви в Романовке (Черниговская губ.). Он часто работал безвозмездно, а почти все деньги, что получал от заказчиков, и весь пенсион от Академии отдавал бедным.

Философско-религиозные искания привели Боровиковского сначала в масонскую ложу «Умирующий сфинкс». А в 1819 г., поддавшись мистицизму и сектантству, он вступил в «Духовный союз» Е.Ф. Татариновой. Но и здесь его ждало горькое разочарование – отсутствие искренности, показуха, негласное стремление к власти. Редкие заказные портреты того времени исполнены сухо и прозаически жестко, их краски поблекли. Слово что-то надломилось в человеке: веру он стал соединять с выпивками и покаяниями. Только отцовские гусли, под тихий перебор которых художник пел украинские песни, иногда оживляли его. 6 апреля 1825 г. В.Л. Боровиковский скончался и был похоронен на Смоленском кладбище, для церкви которого так и не успел написать все задуманные образа. Ушел из жизни тончайший поэт сентиментального образа женщины, но величайшие образцы его мастерства открыли дорогу для творческих достижений художников романтизма.

Бубка Сергей Назарович **(род в 1963 г.)**

Выдающийся спортсмен-легкоатлет, заслуженный мастер спорта, чемпион Олимпийских игр, победитель пяти чемпионатов мира. 35-кратный рекордсмен мира. Герой Украины. Член Исполкома Международного Олимпийского комитета. Бизнесмен, основатель и президент «Клуба Сергея Бубки» (г. Донецк), народный депутат Украины 4-го созыва.

Каждый рекорд – это событие. Но иногда случаются рекорды, которые становятся событиями эпохальными, открывающими новый этап в развитии спорта. Такое событие произошло 13 июля 1985 г. на небольшом стадионе в Париже. Наутро о нем заговорил весь спортивный мир.

На первых полосах крупнейших газет появились броские заголовки и многочисленные фотографии виновника «спортивной сенсации года» – Сергея Бубки, который, преодолев планку на высоте 6 м, установил мировой рекорд в прыжках с шестом. По выражению одной из газет, Сергей Бубка совершил «прыжок в XXI век». И хотя после этого он установил новые рекорды, его первый 6-метровый прыжок открыл новую эру в этом виде легкой атлетики.

Выдающийся спортсмен современности (по определению Х. А. Самаранча) появился на свет 4 декабря 1963 г. в провинциальном Ворошиловграде (теперь Луганск). Семья Бубки не имела никакого отношения к спорту. Отец его Назар Васильевич – военнослужащий, прапорщик, отдал армии всю жизнь. Мама Валентина Михайловна – сестра-хозяйка в одной из городских поликлиник. Жили они очень скромно, впятером в маленьком двухкомнатном домике бабушки на рабочей окраине города. Сергея и его старшего брата Василия к труду приучали сызмальства. В доме у детей были свои постоянные обязанности, которые они выполняли всегда вместе. Развлечения были нехитрые – футбольные баталии на пустыре да состязания в силе и ловкости на спортплощадке военного городка. «Как две половинки от разных яблок», – шутила мама. Действительно, по характеру братья были абсолютно разные: Василий – спокойный и уравновешенный, а Сергей – из тех, кого называют бедовым.

Первое знакомство с «цивилизованным» спортом состоялось в бассейне, когда Сережа пришел записываться в секцию плавания. Но монотонные тренировки в ограниченном пространстве не увлекли мальчика. Потом была секция спортивной гимнастики, но и там не раскрыли его таланта. Ну а в прыжковом секторе Бубка оказался благодаря своему другу Сергею Малахову, который захлеб во дворе рассказывал, что с помощью шеста он намерен научиться прыгать «метров на пять, а то и повыше».

Осенью 1974 г. состоялась первая встреча Сергея с молодым тренером Виталием Афанасьевичем Петровым, который еще не подозревал, что приведет худого, нескладного мальчишку к выдающимся достижениям.

На тренировках Сережа показывал стандартный для своего возраста уровень, поэтому тренер со специализацией не спешил, делая упор на многоборную подготовку легкоатлета. Но упорный труд, а также природные физические данные помогли через пару лет добиться первых результатов. Как ни странно, в прыжках в длину. В 12-летнем возрасте Бубка был чемпионом области среди сверстников в этом виде спорта.

Василий тоже незаметно для себя увлекся прыжками и стал посещать тренировки. Очень скоро он стал показывать лучшие в группе результаты. Видимо, трудолюбие и упорство – их семейная черта. До конца спортивной карьеры Сергей и Василий выступали на соревнованиях вместе. И хотя старший брат менее известен широкой публике, на его счету много призовых мест как в чемпионатах СССР, так и в чемпионатах Европы и мира.

Даже их спортивные успехи начались одновременно. В 1978 г. Василий сдал нормативы мастера спорта, а Сергей занял четвертое место на Всесоюзной спартакиаде школьников в Ташкенте, соревнуясь с ребятами на два-три года старше. Это была своеобразная тренерская хитрость. Бубка постоянно должен был к кому-то подтягиваться и кого-то догонять, чтобы не стоять на месте.

В 1979 г. в жизни братьев наступил перелом. Вслед за тренером они переехали в Донецк, где была солидная база для подготовки шестовиков. Постепенно мальчики привыкли к самостоятельности: жили в общежитии, заботились о себе сами. На первых порах с деньгами было туго, приходилось экономить. Сергей поражал новых одноклассников тем, что, как запасливая домохозяйка, покупал в школьной столовой дюжину пакетов молока. Но когда ребята узнали об особенностях быта братьев, удивляться перестали.

График тренировок был очень плотным, уроки юный атлет учил прямо в трамвае, по пути из школы в спортзал и обратно. Несмотря на это, школу Сергей окончил без троек, а учителя были уверены, что такой голове место не в спорте. Но Бубка понимал, что профессором стать никогда не поздно, а пока он был подающим надежды шестовиком.

В 1980 г. Сергей стал чемпионом страны среди юношей, выполнив норматив мастера спорта – 5 м 10 см. После еще нескольких успешных стартов наставники молодежной сборной СССР включили Бубку в команду для поездки на турнир легкоатлетов социалистических стран, проводившийся на Кубе. Так начался опыт международных соревнований знаменитого легкоатлета. Не всегда они были успешными, как, например, чемпионат Европы среди юниоров в Цюрихе, где Сергей занял лишь 7-е место из-за проблем с шестом. Страшно представить, но спортивные функционеры собирались поставить на нем крест, да тренер отстоял.

Самолюбие не позволяло Бубке сдаваться. Выполнив норматив мастера спорта международного класса и заняв второе место на взрослом чемпионате страны, он был зачислен в сборную СССР. После нескольких проверочных стартов в Ленинграде и Таллинне, где был установлен личный рекорд – 5 м 72 см, – его ждал чемпионат мира в Хельсинки. Это был первый в истории чемпионат мира по легкой атлетике, и соперники на нем оказались все как на подбор опытные и титулованные – Т. Виньерон, Б. Олсон, Д. Бэкинхэм, К. Волков и В. Поляков. Никто из руководства сборной даже не рассчитывал, что Бубка возьмет медаль, на соревнова-

ния посылали «обстреляться». Но звездный час для спортсмена уже наступил, и первое золото мира 1983 г. заблестело на его груди.

Несмотря на это, еще целый год Бубка вынужден был доказывать, что награду свою он заслужил. Шаг за шагом Сергей приближался к покорению мирового рекорда – 5 м 83 см. Наконец в США, во время участия в «Играх под крышей» – серии турниров, организованных Американским Атлетическим конгрессом, – ему это удалось. Три победы из четырех возможных, высшее мировое достижение для залов, звание лучшего зарубежного спортсмена зимнего легкоатлетического сезона Америки – с такими итогами возвращался домой молодой шестовик. «Лос-Анджелес таймс» писала: «Бубка – феноменальный прыгун, просто непостижимый. Он представитель нового будущего поколения шестовиков. Он заставляет нас пересмотреть устоявшиеся представления о самих возможностях человека. Если кому-то и посчастливится покорить в ближайшем будущем 6-метровую высоту, то Бубка – претендент номер один».

Естественно, что после успешной зимы 1984 г. Бубка видел перед собой только одну цель – Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Однако из-за нелепого бойкота Советским Союзом Олимпиады 1984 г. в копилке у Сергея только одна олимпийская медаль – золото Игр в Сеуле 1988 г.

А тогда свой первый мировой рекорд спортсмен установил в Братиславе – 5 м 85 см. Спустя неделю в Париже уже было 5 м 88 см. Третий мировой рекорд за один месяц в исполнении Бубки увидел Лондон 13 июля – 5 м 90 см. Когда Сергей попросил установить планку на 6 м, оказалось, что стойки стадиона «Кристал Пэлес» на такую высоту просто не рассчитаны. Тогда никто не предполагал, что покорится отметка «600» ему ровно через год в Париже.

Серия выдающихся рекордов объяснялась достаточно просто – легкоатлета, словно на крыльях, несло высокое чувство. Его избранницей стала Лилия Тютюник – мастер спорта по художественной гимнастике, с которой Сергей познакомился в Донецке на стадионе «Локомотив», где находилась их тренировочная база. Сыграли веселую свадьбу, а уже в июле 1985 г., за несколько дней до установления главного рекорда, у них родился сын. Назвали его в честь уважаемого тренера – Виталием.

1985 год оказался нелегким. Слишком раннее начало сезона и простуда привели к спаду формы. Но уже к очередному турниру серии «Гран-при», по итогам которого определяется лучший легкоатлет года, Бубка сумел восстановиться и мог уверенно штурмовать 6-метровую высоту.

В тот день в Париже он соревновался скорее с собой, чем с соперниками. Самые достойные из них сошли с дистанции на отметке 5 м 80 см. С третьей попытки прежде недоступная высота была взята. Еще долгое время никто из спортсменов-шестовиков не мог превзойти или хотя бы повторить этот результат. А Бубка не стал долго почивать на лаврах. Через год на Играх доброй воли в Москве он добавил к мировому рекорду еще сантиметр.

Этому предшествовала серьезная психологическая подготовка. С легкоатлетом работал известный практикующий психолог Рудольф Загайнов (его имя связывают с победами А. Карпова, Г. Каспарова, Б. Беккера, П. Буре и др.). Именно он перед важнейшими стартами настраивал Бубку на победу. Поэтому шестовик практически не ездил на командные сборы, а в секторе перед выходом ни с кем не разговаривал и даже не здоровался, чтобы не «расплескаться» настрой. Другие же спортсмены воспринимали это как высокомерие, о чем регулярно писали спортивные газеты.

За одиннадцать лет Бубка поднял свой личный рекорд на 43 см, а мировой рекорд – на 32 см, доведя его до фантастической отметки 6 м 15 см. Результат остается непревзойденным по сей день. Бубка единственный спортсмен, побеждавший на пяти чемпионатах (с 1985 по 1995 г.). Бывали у него и серьезные спады, которые он все-таки преодолевал. Сам Бубка утверждает, что его феномен в колоссальном упорстве и трудолюбии, а секрет побед – в трех составляющих: сила, скорость, техника.

Как профессионал, он все привык планировать наперед. Поэтому, уйдя из большого спорта после неудачной для него Олимпиады в Сиднее, он не почувствовал проблем с пере-квалификацией, как многие спортсмены. С начала 1990-х гг. Бубка и его семья постоянно проживали в Монте-Карло. Там размещается главный офис его фирмы по производству и продаже сухих дрожжей и пищевых добавок, улучшающих вкус хлеба. В 2000 г. в Донецке был открыт завод хлебобулочных изделий, и каждый теперь может попробовать «бубкинский хлеб». Выбор такого бизнеса не случаен. Ведь главный принцип Сергея Назаровича – «всегда быть полезным людям и родной стране». Ту же цель он преследовал, создавая «Клуб Сергея Бубки» в Донецке в 1990 г. Эта организация является постоянным опекуном многих детских спортивных школ и учредителем международного турнира «Звезды шеста».

Опыт и профессионализм Бубки все еще нужны спорту. С 1999 г. он функционер Исполкома МОК, член Совета Международной легкоатлетической федерации (ИААФ). И эти аспекты личности Сергея не менее интересны, чем его спортивная карьера.

Занимая активную гражданскую позицию и будучи широко известной в мире личностью, Сергей Назарович справедливо рассудил, что может принести больше пользы Украине, действуя как представитель высшего органа власти – парламента. Поэтому с 2002 г. он еще и народный депутат, занимает центристскую позицию и является активным членом фракции «Регионы Украины».

Замечательно то, что страна отметила своего героя еще при жизни. Феноменальный легкоатлет в 2001 г. был удостоен звания «Герой Украины». А теперь можно увидеть и бронзового Бубку – у входа на стадион «Локомотив» в Донецке. Кроме него такой чести удостоились всего три спортсмена в мире.

Булгаков Михаил Афанасьевич (род. в 1891 г. – ум. в 1940 г.)

«Русский советский писатель», как его характеризовали справочные издания, родился и вырос в Киеве. Любовь к родной земле он пронес через все свое творчество, которое один из литературоведов назвал «киевоцентричным».

Творчество Михаила Булгакова стало известно широкому читателю с середины 60-х гг. минувшего столетия. До этого времени произведения писателя знал лишь узкий круг друзей, а пьесы, шедшие с успехом на московских сценах еще в 1930-е гг., помнили разве что старожилы да специалисты-театроведы. Что ж, судьба этого талантливого писателя оказалась типичной для времени, в котором ему довелось жить.

Родился будущий писатель и драматург 15 мая 1891 г. в семье доцента Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и преподавательницы женской гимназии Варвары Михайловны Покровской. Вслед за первенцем Мишей появились на свет погодки Вера и Надежда, за ними Варвара, Николай, Иван, Елена, у которых разница в возрасте составляла полтора-два года. Глава семейства преподавал историю религии, но старался дать детям хорошее светское образование. Их воспитанием занималась прежде всего мать, которую Михаил называл «светлой королевой». В доме свободно говорили по-французски, следили за культурной жизнью, учились музыке, имели серьезные увлечения. Отец, например, был страстным садоводом и очень любил цветы. Миша довольно рано проявил литературное дарование (первый рассказ он вынес на семейный суд в семь лет), был хорошим рассказчиком, играл на рояле, рисовал. А еще увлекался энтомологией и коллекционировал бабочек настолько грамотно, что его коллекция в 1919 г. была передана в Киевский университет. Кроме того, мальчик мечтал о путешествиях в дальние страны и собирал географические карты.

Особого достатка в доме не было, но в нем всегда царила атмосфера любви. Быстро растущая семья часто переезжала и меняла адреса. В разное время Булгаковы жили на улицах Госпитальной, Ильинской, Прозоровской, в Дионисьевском переулке, на Андреевском спуске.

Особенно теплые воспоминания сохранил писатель о квартире на Андреевском, 13, где он жил с 1906 по 1913 г., а вылетев из гнезда, по возможности его навещал.

И где бы ни находился впоследствии писатель, он безмерно тосковал по земле своего детства, в творчестве постоянно устремлялся в родной Город (да, он писал это слово с большой буквы) – к Днепру, панораме Подола, Владимирской горке, церквям и памятникам старины. Все его произведения содержат россыпи киевских картинок, образов и впечатлений, если даже и нет указаний на это. А уж тем более в очерке «Киев-город» или «Записках юного врача». Та самая квартира на Андреевском спуске «перекочевала» со всеми деталями в «Белую гвардию», и фамилия Турбиных не случайна – ее носил один из прадедов Булгакова. Даже прожив несколько лет в Москве, Михаил Афанасьевич писал: «Сердце щемит, хочется иногда мучительно в поезд... и туда. Опять увидеть обрывы, занесенные снегом, Днепр... Нет красивее города на свете, чем Киев».

Но вернемся к хронологическому повествованию. Дети Булгаковых получали начальное образование дома, а продолжили учебу в 1-й Александровской гимназии. Миша проучился в ней восемь лет, а затем совершенно осознанно избрал медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира. Дело в том, что трое братьев матери были врачами. Через семь лет и Михаил получил специальность «лекаря с отличием».

Еще будучи студентом, М. Булгаков обвенчался 26 апреля 1913 г. с дочерью крупного чиновника Татьяной Николаевной Лаппой (он называл ее Тасей). Но через год началась Первая мировая война, и Михаил как будущий медик стал работать в госпиталях, по окончании университета добровольцем ушел на фронт и прошел там хорошую хирургическую практику. Тася следовала за ним и тоже работала – сестрой милосердия. Весть о революции застала их в Вяземской земской больнице. Весной 1918 г. они уехали домой. К этому времени сгорела бучанская дача Булгаковых, где так недавно беззаботно отдыхала многочисленная родня и ставились Мишины пьески и интермедии. Михаил не имел никаких вестей от братьев (они обнаружили позже в Париже, где и остались жить). Каждая новая власть объявляла свою мобилизацию, в том числе и медиков. Так, по приказу денкинцев М. Булгаков отправился на Северный Кавказ, где уже шла гражданская война.

В одной из автобиографий Михаил Афанасьевич вспомнит, что именно тогда, в 1919 г., «едуци в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ», а потом опубликовал его в газете «Грозный». В начале 1920 г. во Владикавказе Булгаков перенес тяжелый тиф, а когда поправился, госпиталь расформировали, а сам доктор оказался не у дел. Татьяна Николаевна рассказывала, как они тогда недоедали. И Михаил Афанасьевич решил заняться литературным трудом: сотрудничал в открывшемся во Владикавказе русском театре, где зарплаты не давали, но подбрасывали кое-что из продуктов, и писал в русскоязычные газеты. Два года прошли в активном поиске. Первые пробы пера оказались удачными: пьесы начинающего драматурга «Глиняные женихи», «Самооборона», «Парижские коммунары» были отмечены, а последнюю Главрепертком даже рекомендовал к постановке в московских театрах. Булгакову стало ясно, что это его путь.

В 1921 г., погостив несколько дней на родине, супруги уехали в Москву. Оттуда Михаил Афанасьевич уже через полтора месяца напишет: «Путь поисков труда и специальность, намеченные мной еще в Киеве, оказались совершенно правильными». Не поколебали эту уверенность и трудности – не было ни денег, ни вещей, ни жилья, ни работы. Первую квартиру Булгаковы получили после того, как обратились за помощью к Н.К. Крупской. Это была комната на Садовой, 10, куда в «Мастере и Маргарите» Булгаков поселит своих героев.

Окунувшись в литературную жизнь столицы, М. Булгаков работал сначала секретарем литотдела Главполитпросвета, а затем устроился фельетонистом в газету «Гудок», где подбралась на диво талантливая братия: Олеша, Катаев, Ильф, Петров, Паустовский. Писал он еще для берлинской русской газеты «Накануне». В приложении к ней, а также в журнале «Рупор»

увидели свет «Дьяволиада», «Записки на манжетах», «Похождения Чичикова», «Сорок сороков», «Роковые яйца», «Путевые заметки», «Багряный остров» и другие. Всего за год Булгаков написал роман «Белая гвардия» о событиях гражданской войны на юге страны; в журнале «Россия» вышли первые 13 глав, но полностью вещь была напечатана только в 1966 г. «Роман этот я люблю больше всех моих вещей», – признавался Булгаков. На его основе он вскоре создал пьесу «Дни Турбиных», которую принял к постановке Московский художественный театр.

Весной 1924 г., когда заканчивалась работа над «Белой гвардией», Булгаков расстался с женой. В их отношениях многое изменилось: один из знакомых увидел Татьяну Николаевну «молчаливой и печальной женщиной», а Михаил Афанасьевич переживал взлетную пору. Он был «стройный, широкоплечий, выше среднего роста. Светлые волосы зачесаны назад, высокий лоб, серо-голубые глаза, хорошее, мужественное, выразительное лицо, привлекающее внимание». Так описывала его одна из современниц. Место Таси заняла недавно вернувшаяся из эмиграции Любовь Евгеньевна Белозерская, которой влюбленный автор посвятил «Белую гвардию». Она была яркой индивидуальностью, талантливой, высокообразованной и уверенной в себе, знала несколько иностранных языков, переводила для Булгакова материалы о Мольере, записывала под его диктовку и редактировала. За годы их брака были созданы «Дни Турбиных», «Багряный остров», «Зойкина квартира», многие страницы пьес «Кабала святош», «Адам и Ева», а также первая редакция книги «Мастер и Маргарита», в героине которой нельзя было не увидеть черт Белозерской.

Начиная с октября 1926 г. «Турбины» триумфально шли на сцене МХАТа и выдержали 250 представлений. «Багряный остров» поставил А. Таиров в Камерном театре. «Зойкину квартиру» увидели москвичи и киевляне. М. Волошин, а также В. Вересаев сравнивали блестящее начало творческой биографии Булгакова с Львом Толстым. Однако такой мощный прорыв в литературу в официальных кругах вызвал сначала выжидательную, а затем негативную реакцию: резко критиковалась повесть «Роковые яйца», а по поводу «Собачьего сердца» Главлит дал заключение: «Вещь в целом недопустима». Отношение к Булгакову резко изменилось и превратилось в настоящую травлю, его стали обвинять в сочувствии белым, в контрреволюции, а сторонники писателя получили ярлык «подбулгачники». Новую пьесу «Бег», завершавшую тему гражданской войны и в образе Хлудова воплощавшую крах белогвардейского движения, затормозили на стадии репетиций и не допустили к постановке. Спектакль «Мольер» («Кабала святош») после пятилетней работы над ним и всего лишь семи представлений исчез с афиш. В общем, спектакли снимались Главреперткомом, а новые произведения никто не решался печатать. Хотя за пределами СССР – в Англии, Франции, США – работы Булгакова имели успех. Но автора туда не выпускали. В сентябре 1926 г. его впервые вызвали на допрос в ОГПУ. Позже на квартире писателя произвели обыск и изъяли дневниковые записи и повесть «Собачье сердце». Документы, хранившиеся до недавнего времени под грифами секретности, свидетельствуют о том, что Булгаковым и его творчеством занимались плотно. Вот один из них, датированный 29 января 1929 г.: «В Политбюро ЦК ВКП(б). Тов. Сталину. По вопросу о пьесе Булгакова "Бег" сообщаю, что члены комиссии ознакомились с ее содержанием и признали политически нецелесообразной постановку этой пьесы в театре. К. Ворошилов».

Лишенный работы и средств к существованию, ранее гордый и сильный человек вне творчества существовать не мог, в дни отчаяния он носил в кармане пистолет и готов был покончить с собой. Семейная жизнь тоже дала трещину, у Булгакова появилась иная сердечная привязанность – Елена Сергеевна Шиловская, жена видного военачальника, восторговавшаяся творчеством писателя. Жена знала об этом увлечении, но, полагая, что оно скоро пройдет, не обостряла отношений. Характер у Булгакова был нелегкий, он не подчинялся внешнему влиянию и важные решения принимал сам. Вот и теперь, несмотря на то что у Шиловской было двое маленьких детей, их отношения, длившиеся в течение трех лет, завершились браком. В октябре 1932 г. Елена Сергеевна с младшим сыном переехала к Булгакову. Кстати, для обоих

это был третий брак. К этому времени тучи над головой писателя разошлись, но пережить весь кошмар происходившего в предыдущие три года Михаилу Афанасьевичу помогли обе любящие женщины – и жена, и «тайный друг» Шиловская.

Тупик, в котором тогда оказался опальный писатель, заставил совершить безумный шаг – обратиться лично к Сталину и, объяснив весь ужас своего положения, попросить «об изгнании за пределы страны». Письмо было отправлено 28 марта 1930 г., а 18 апреля в квартире Михаила Афанасьевича раздался гром телефонный звонок – вождь сам пожелал говорить с ним. После этого гнев был сменен на милость: Булгаков получил работу режиссера во МХАТе. Трудно сказать с уверенностью, что повлияло на ход событий. Многие считали, что определенную роль сыграло случившееся за несколько дней до этого (14 апреля) самоубийство В. Маяковского. Готовый к такому же шагу Булгаков мог существенно подпортить престиж страны и репутацию самого «отца народов».

Буквально возродившийся к жизни Михаил Афанасьевич получил новый творческий заряд и был бесконечно благодарен Сталину за заботу. Выражением благодарности стала пьеса о юности вождя, получившая окончательное название «Батум». Но Иосиф Виссарионович выразил сомнение в необходимости такой постановки, и репетиции были свернуты.

1930-е гг. были для писателя, драматурга и актера Булгакова очень нелегкими. Когда на сцену МХАТа вернулись «Турбины» и по окончании спектакля занавес давали 20 раз, Булгаков написал другу, что «автору этой пьесы возвращена часть его жизни». Но последующую часть жизни ему безбожно отравляли, ибо все, что было создано, выходило за рамки привычного: не все могли мыслить по-булгаковски. Непросто складывались взаимоотношения в коллективе, где творили реформаторы театра Станиславский и Немирович-Данченко, а играли актеры, имена которых мы произносим теперь с благоговением: И. Москвин, О. Книппер, А. Тарасова, А. Кторов, М. Яншин, А. Грибов, О. Андровская... Не было конца замечаниям и переделкам готовых вещей, их то разрешали, то запрещали, затягивая сроки постановок. С чьим только мнением не приходилось считаться автору! Приведем историю создания одного спектакля – инсценировки романа Сервантеса «Дон Кихот». Эту работу предложил сделать М. Булгакову режиссер Театра им. Вахтангова В. Куза. Драматург справился с ней: 3 декабря 1937 г. заключил договор с театром, а 8 октября (меньше чем через год) инсценировка была готова. Ей предстояло получить одобрение Комитета по делам искусств, но возглавлявший это учреждение П. Керженцев в своих замечаниях потребовал: «Надо сделать так, чтобы чувствовалась современная Испания!» Разрешение Главреперткома было получено в январе следующего года. В апреле вахтанговцы начали репетиции, но вскоре по каким-то причинам прекратили, поэтому автор отправился в Ленинградский БДТ и заключил договор с ним. Заметим, что это произошло в ноябре 1939 г., когда Михаил Афанасьевич уже был серьезно болен и даже составил доверенность на имя жены на ведение всех своих дел, а также завещание. Театр Вахтангова возобновил работу над «Дон Кихотом», но в сроки не уложился, премьера первоначально планировалась на январь 1940 г., а состоялась только 8 апреля 1941 г., когда М. Булгаков уже не было в живых.

Булгаков имел огромный творческий потенциал. За какие-то десять лет он создал столько пьес и инсценировок для драматических театров, либретто для оперных постановок, литературных шедевров! Это была пора расцвета его дарования, когда появились блистательные произведения: биографическая книга о любимом драматурге Мольере для горьковской серии «ЗЖЛ», пьесы «Кабала святош» (или «Мольер»), «Блаженство» («Иван Васильевич»), «Александр Пушкин» («Адам и Ева»), а также замечательный памфлет «Театральный роман» с посвящением «Тайному другу, ставшему явным, жене моей Елене. Ты совершишь со мною последний мой полет».

В 1934 г. Булгаков стал членом Союза писателей. В 1936 г., после конфликта с режиссером МХАТа И. Горчаковым, отказался работать там, где, как он выразился, посягали на его

творчество, и поступил в Большой театр либреттистом-консультантом, пообещав делать одно либретто в год. Он успел создать «Черное море» о событиях на Перекопе, «Минин и Пожарский», «Мадам Фифи» (или «Рашель»), «Петр Великий», среди задумок были оперы «Война и мир», о князе Владимире – крестителе Руси – и многое другое. Михаил Афанасьевич не раз предлагал свои произведения столичным театрам (Сатиры, Красному, Рабочей молодежи), а также Большому Драматическому в Ленинграде, Харьковскому театру русской драмы, Бакинскому рабочему. Он не только писал, участвовал в постановках, но и играл на сцене, например в «Турбиных» или «Пиквикском клубе», где исполнял роль Судьи. Еще одним направлением его поиска были киносценарии для студий «Союзфильм» и «Укрфильм». В числе многих работ он хотел снять «Похождения Чичикова». Не смог удержаться Булгаков от участия в издании собрания сочинений Мольера и сделал перевод пьесы «Скупой». Он специально занимался итальянским и испанским языками: первый изучал как язык оперы, второй – Сервантеса. И самое главное: в течение 20 лет М. Булгаков непрерывно и мучительно создавал главный труд своей жизни – роман «Мастер и Маргарита», который один из литературоведов назвал метким словом «реквием». Последние правки к тексту «Мастера...» писатель диктовал супруге 13 февраля 1940 г., а 10 марта его не стало.

У постели умирающего мужа Елена Сергеевна дала клятву напечатать роман. Книга пролежала в архивах вдовы 20 лет и дождалась своего часа. Она пересекла границы СССР и вошла в «десятки» лучших произведений литературы XX столетия во многих странах мира. На основе булгаковского романа созданы пьесы, кинофильмы, балеты, мюзиклы и даже симфония. Появилось огромное количество исследований, в США выпущена международная булгаковская библиография. В общем, эта книга захватила умы читающих и мыслящих людей. Ценой огромных усилий Е.С. Булгакова сдержала слово, вплоть до мелочей – к примеру, отдала гонорар за роман первому человеку, который после опубликования положил цветы на могилу автора на Новодевичьем кладбище.

...Однажды М. Булгаков сказал о себе: «Я – писатель мистический». Согласимся с ним. Иначе как объяснить такое необычайное воздействие его произведений на читателя? Возможно, его дух витает среди нас? Во всяком случае, присутствие Мастера в стенах родного дома на Андреевском спуске всегда ощущают посетители единственного музея М.А. Булгакова. Ибо здесь истоки его загадочного мира, полного тайн и открытий.

Быков Леонид Федорович **(род. в 1928 г. – ум. в 1979 г.)**

Замечательный актер, режиссер, сценарист. Народный артист УССР (1974 г.). Заслуженный артист РСФСР (1965 г.). Лауреат Всесоюзного кинофестиваля (1974 г.) в номинациях за лучшую актерскую работу и фильм «В бой идут одни старики» и Государственной премии УССР (1977 г.) за фильм «Аты-баты, или солдаты».

Леонида Быкова народ не просто любил. По отношению к нему у людей навсегда осталась особая интонация, которая сродни его творчеству и точнее всего определяется словами «нежность» и «теплота». Друг актера И. Миколайчук в очерке «Душа актера» вспоминал, как одна женщина, у которой Быков останавливался на время съемок, однажды сказала: «У Леонида Федоровича душа, как краюха хлеба, – хоть к ране прикладывай!»

Леонид родился 12 декабря 1928 г. в селе Знаменском Славянского района Донецкой области, через год семья переехала в рабочий поселок Прокатка под Краматорском. Смешливый, веселый мальчишка стать актером и не помышлял. Он грезил небом и мечтал поступить в летное училище. Поэтому в 1943 г. в Барнауле, куда родителей эвакуировали вместе с заводом, Леонид явился в военкомат, прибавил себе три года и попросил отправить его на фронт. Его тут же разоблачили – маленький рост и лицо вечного подростка, – пришлось школу оканчивать. Но в 1945 г. в Ленинграде Быков все же поступил во 2-ю спецшколу для летчиков. Прочитать ему довелось лишь месяц – отчислили опять же из-за маленького роста. Тогда Леонид и решил стать артистом, имея небольшой опыт на любительской сцене Дворца культуры им. Ленина. Конкурс в Киевскую школу актера он не выдержал. А вот экзаменаторы Харьковского театрального института им. Карпенко-Карого оказались куда прозорливее киевских, и уже с первого курса Быков играл Павку Корчагина на сцене Харьковского театра им. Шевченко – случай, не имеющий прецедента. А по окончании учебы, с 1951 по 1960 г. он был постоянным членом труппы этого театра: его репертуар на русском и украинском языке состоял практически из лирических и комедийных ролей, присущих актерскому амплу Леонида.

Параллельно с учебной началась и работа Быкова в кино. Известный режиссер Ф.М. Эрмлер, первым снявший его в картине «Победители», сказал Леониду после нескольких дублей: «Ты обречен быть киноартистом. Есть люди, которые могут приходить в кино и уходить. Ты уже никуда не уйдешь». К сожалению, фильм так и не вышел на экраны, но актера заметили и предложили небольшую, но очень теплую, милую роль колхозного кучера Сашки в фильме «Судьба Марины» (1953 г.). Зрительская любовь пришла к Быкову после комедии «Укротительница тигров» (1954 г.), где без него просто невозможно представить все перипетии любовного треугольника. Леонид внес в картину трогательно-юмористическую ноту, которой отличались впоследствии почти все его работы. Безответная любовь, непутевость, упорство – вот основные характеристики быковских героев. Фильм имел огромный успех у публики, а имя актера стало известно всему Союзу. Когда же на экраны вышел «Максим Перепелица» (1955 г.), где Быков сыграл главную роль – такого младшего, непутевого брата Василия Теркина, – народ признал его кинозвездой.

Запомнились зрителям и образы, созданные актером в фильмах «Чужая родня», «Дорогой мой человек», «Добровольцы», «Ссора в Лукашах», «Майские звезды». Соглашаясь на новые предложения, он старался выбирать роли самого разного плана, чтобы не повторять притягательный, но быстро поднадоевший ему тип Максима Перепелицы. Мастерство актера росло от фильма к фильму, и в «Алешкиной любви» (1961 г.) он использовал совершенно иные краски, показал бесконечную цельность чувства влюбленного паренька. Все друзья Леонида Федоровича признавали, что Алешка – «это вылитый Ленья».

С театром в 1960 г. Быкову пришлось расстаться: руководство запретило участвовать в съемках гоголевской «Шинели». Эта роль, предложенная ему А. Баталовым (ничего подобного никто из кинематографистов ему не предлагал), уже в те годы смогла бы изменить амплуа актера. Но знаменитую фразу Акакия Акакиевича в адрес невыносимых чиновников-коллег: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – произнес другой Быков – Ролан. «Чертовски хотелось, чтобы театр был кафедрой, яркой, увлекательной, но кафедрой, – писал Леонид Федорович своему харьковскому другу и коллеге Н. Борисенко. – Со зрителем нужно говорить на волнующие его темы, не лгать, страстно, увлекательно размышлять, спорить... Я живу до сих пор этими идеалами, вернее, пытаюсь жить, так как жизнь ломает их и рушит на каждом шагу. Но это самое святое, без этого скучно и бесполезно будет жить».

Быков с женой Тamarой Константиновной и двумя детьми Алексеем и Марьяной переехал в Ленинград, где на «Ленфильме» ему дали возможность попробовать себя в кинорежиссуре. После совместной с Г. Раппопортом короткометражки «Как веревочка ни вьется...» он снял свой первый художественный фильм – лирическую комедию «Зайчик» (1964 г.), где исполнил главную роль. Картина о наивном и робком гримере с трогательной и деликатной душой более года пролежала на полке. Тема маленького человека была неактуальна в годы, когда требовался герой – оптимист, победитель, строитель коммунизма. Критика фильм дружно ругала. Впрочем, и Быков-режиссер считал его не слишком удачным. В разговоре с А. Симоновым он заявил: «На мне весь средний советский кинематограф держится». Руководство «Ленфильма» к режиссуре его больше не допускало, да и сам он туда уже не рвался и даже отказывался от многочисленных предложений сниматься в картинах. За девять лет, проведенных в Ленинграде, зрители увидели актера лишь в нескольких фильмах: «На семи ветрах», «Когда разводят мосты», «В городе С», «Разведчики», «Осторожно, бабушка!». Быков также писал сценарии и играл крохотные, но все же яркие роли в сатирическом киножурнале «Фитиль». В одном из писем к Борисенко он признавался: «Уже почти год не снимаюсь. Не хочу. Отказался от 9 сценариев. Не хочу участвовать в лживых и антихудожественных вещах. Конечно, долго не продержишься, надо выполнять план студии. Все чаще думаешь, что надо возвращаться домой. Но в театре, очевидно, то же самое. В чем же суть? Как же сделать, чтобы

жить на уровне? Может, это наша проклятая работа?» Тем не менее в 1965 г. Л. Быкову было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

В 1969 г. Леонид Федорович с семьей переехал в Киев. Но работы по душе на киностудии им. А. Довженко талантливому актеру тоже не находилось. Несмотря на длительные простои не позволял себе взяться за роль, которая, по его меркам, была антихудожественна. А вот строки еще из одного письма Быкова: «Всю ночь не спал. Рассказать бы всю правду, как загубили театр. Почему с Киевской киностудии ушли режиссеры Алов и Наумов, Хуциев, Донской, Чухрай? Мы наконец начали судить людей за халатное отношение к технике. А когда мы наконец начнем судить за преступное отношение к людям? Самое страшное – общественное равнодушие. Угодничество. Культ мог вырасти только на почве угодничества».

Быков недаром окунулся в режиссуру. Ему необходимо было выговориться, выплеснуться, заставить прислушаться к самому для него важному – теме войны, дружбы на войне, любви и молодости в суровое военное время. Созданный в конце 1960-х гг. вместе с Е. Оноприенко и А. Сацким сценарий фильма о летчиках Леонид Федорович пробивал на студии несколько лет. Киноначальники считали сценарий «не героическим» и даже выдали для съемки черно-белую узкоформатную пленку, впоследствии представив это как авторский замысел – подобие военной хроники. Но для одного из лучших фильмов о Великой Отечественной войне цвет – не главное. «В бой идут одни старики» (1973 г.) – «реквием солдату, не вернувшемуся с войны». Он посвящен юношескому желанию режиссера стать летчиком, памяти лучшего друга Виктора Щедронова (Смуглянка), сбитого в Чехословакии в апреле 1945 г.

Актеров на главные роли Быков отбирал сам. Он с трудом отстоял перед руководством Госкино СССР своего любимого ленинградского актера и друга А. Смирнова, с которым познакомился на съемках фильма «Зайчик». Коллективом Леонид Федорович руководил ненавязчиво – не по-режиссерски, а по-человечески. Его любили все: костюмеры, гримеры, осветители – ждали, когда начнет съемки, когда на площадке прозвучит его голос, когда он улыбнется своей немного грустной улыбкой. Творческая группа стала для него семьей не только на время съемок. Уход Быкова не надолго пережили А. Смирнов, С. Подгорный и С. Иванов, но их герои – Макарыч, Смуглянка и Кузнечик, – как и вся «вторая поющая» эскадрилья во главе со своим Маэстро, вот уже 30 лет берегут души зрителей, не позволяют забыть «тех, кто не вернулся с боевых вылетов».

На Всесоюзном фестивале в Баку фильм получил почетный приз. От главной награды режиссер отказался в пользу «Калины красной», скромно заметив: «В списке, где будет Василий Шукшин на первом месте, я почти за честь быть хоть сотым. Ведь моя картина – это рядовой фильм о войне, а его – это настоящий прорыв в запретную зону, прорыв в сферу того, о чем раньше и думать-то не позволялось».

После выхода картины, которая только за один год собрала более 40 млн зрителей, отношение чиновников к Быкову не изменилось. Они по-прежнему не считали его успешным режиссером, а о вышедших «Стариках» отзывались приблизительно так: фильм наивный и простой до смешного; наспех склеенный, без особых режиссерских изысков; сценарий легкий; все персонажи напоминают опереточных героев. Такими же были отзывы на картину «Аты-баты, шли солдаты» (1976 г., Государственная премия УССР). Так, критик Р. Корогодский безапелляционно заявлял: «В частности, считаю прямолинейным монтаж, где кровь погибших воинов превращается в гвоздики. Ассоциативность тут оголялась до простого дидактического вывода. Образы современников, за исключением Анны, оказались малоинтересными, просто статичным антуражем. Неоправданно усложненной была и композиция произведения». Но фильм вызвал у зрителей чувство глубокого потрясения, и даже смешные эпизоды вызвали щедро льющиеся слезы сопереживания. Каждый герой врезался в память навсегда.

Мало кому известно, что «цыганочку с выходом» ефрейтор Святкин (Быков) исполнял, встав с больничной койки после второго инфаркта (первый он получил в борьбе за своего

«Зайчика»). Монтажер фильма А. Голдабенко вспоминала: «Он был человеком необыкновенным, отрицать никто не станет. Его любили люди, восхищались им. Но почему мы не спасли его? Знали же, что трагедию человек носит в сердце... Тогда, в 1976 году, когда, кстати, он написал известное "Завещание", у него были сложнейшие отношения с сыном, со студией, с Госкино УССР... Но душу он никому не открывал! Переживал все в себе».

Леонид Федорович очень любил свою семью, но там этого не ценили. Жена-инвалид Тамара Константиновна, несостоявшаяся актриса театра, страдала вялотекущей шизофренией, которая по наследству досталась сыну. Лесь доставлял отцу много неприятностей. Его приходилось постоянно «выкупать» из уголовных дел. Э. Косничук, редактор фильма «В бой идут одни старики», рассказывает, что, «работая на киностудии, Лесь обворовывал иностранцев. Однажды ограбил ювелирный магазин и разгромил несколько палаток. Спасая сына от суда, все деньги, вырученные за "Стариков", Быков отдал врачам, чтобы те упрятали Лесья в Павловскую психиатрическую больницу». Друзья Быкова удивлялись атмосфере, царившей в их доме: «старая обшарпанная мебель, на кухне гора невымытой посуды, везде грязь, на подоконниках огромный слой пыли. Леня мог съесть за день одну конфетку и выпить три кружки чая». Поведение сына, вступая в контраст с кристальной честностью Леонида Федоровича, почти донкихотской борьбой с несправедливостью и ложью, которую тот вел всю свою жизнь, истощало душевные и физические силы отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.